

Мария
Энгстранд

Код МЕСИНЫ

КомпасГид
издательский дом

Код Ореста

Мария Энгстранд

Код Месины

ИД "КомпасГид"

2021

УДК 821.113.6-053.5

ББК 84(4Шве)

Энгстранд М.

Код Месины / М. Энгстранд — ИД "КомпасГид", 2021 — (Код Ореста)

ISBN 978-5-907514-54-6

Заключительная книга трилогии об Оресте, его сестре Электре, соседке и однокласснице Малин и пропавшей старшекласснице Месине. Охотившийся за астролябией и впавший в кому Эйгир – отец Электры и лидер тайного общества – внезапно исчезает из больницы. Месина приходит к Малин, чтобы заключить тайный договор. Девушки соединяют два фрагмента пергамента и узнают, что для работы астролябии нужна еще одна, третья часть. Орест взламывает закодированные электронные письма, получает доступ к секретной переписке между Эйгиром и Сообществом Свидетелей Странного и теперь в курсе каждого их шага. Шифры и секретные коды, азбука Морзе и голос в фонографе, подсказки в скале над рекой и в старинной усадьбе – все это помогает Оресту и Малин продвигаться вперед. Но можно ли доверять Месине? Как далеко в стремлении завладеть астролябией может зайти Эйгир? И успеет ли Малин спасти Ореста и Электру в роковой день – 30 апреля? Мария Энгстранд, придумавшая трилогию о шведских школьниках, которые разгадывают загадки прошлого в родном Леруме, сначала работала инженером и адвокатом. Но всегда любила сочинять истории. Со временем хобби превратилось в профессию. Писательница надеется, что ее книги помогают подросткам увидеть мир таким увлекательным, каким он и является на самом деле. Художница Полина (Dr. Graf) Носкова создала на обложке слегка таинственные образы главных героев, которые отражают одновременно загадочную и напряженную атмосферу трилогии.

УДК 821.113.6-053.5

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-907514-54-6

© Энгстранд М., 2021
© ИД "КомпасГид", 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Мария Энгстранд

Код Месины

Посвящается Санне, моей верной соратнице по перу – как Орест впервые вошел в класс

Н	Д	М	Щ	У	Ц	Р	У		В	Я	Б	Ц	Д
Д		Щ	А	Р	Э	Ж	К	Ж	О		Р	Д	
М		Е	С	Ю	Д	И		Н	Ц	Д	Х	Ы	Э
	Е	Д	Н	Ю	У	Д	А	В		П	Ь	Б	Ж

*Автор обложки Полина (Dr. Graf) Носкова
Иллюстрации Маргарита Чечулина (Greta Berlin)*

Перевод со шведского Юлии Колесовой

Originally published as KOD: MESINA by Maria Engstrand

© Text: Maria Engstrand, 2021

© Bokforlaget Opal AB

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2023

1

Часы уже показывали начало десятого, а Орест все не появлялся. Я вышла на балкон, перегнулась через перила, насколько хватило смелости, и стала всматриваться в темноту.

Дом Ореста – на другой стороне глухого переулочка. Темные мрачные окна. Лишь фонарь на столбе рядом с дорожкой, ведущей к нему, выглядел теплым круглым пятном на синевшем вечернем небе. Куда же подевался мой друг?

Я попыталась найти объяснение, почему он не пришел. Причин могло быть множество, например:

1) У его младшей сестренки ужасно разболелся живот.

2) Его мама проводит вечер реинкарнации и сомнамбулических путешествий, и сейчас ее клиенты как раз бродят по неосвещенному дому, ощущая себя возродившимися древними

воинами, в то время как Орест пытается спасти мебель от разрушения впадшими в ярость викингами.

3) У Ореста его печально знаменитая мигрень.

Настал вечер четырнадцатого марта. Еще этот день называется днем числа пи. Почему? Потому что март – третий месяц года. Стало быть, если записать месяц перед датой, получится 3,14 – а это и есть так называемое число пи, которое используют в математике, когда надо рассчитать площадь круга или длину окружности. Такое Орест должен бы знать, ведь он помешан на математике.

Но я надеялась, что он помнит другое: сегодня к тому же мой день рождения.

Я закрыла балконную дверь. Орест – мой сосед и одноклассник, но после всего, что мы прошли вместе, я чувствовала: он для меня уже нечто большее. Типа двоюродного брата. Человек, от которого ожидаешь, что ему на тебя не наплевать.

Кроме того, я должна рассказать ему нечто исключительно важное.

В десятый раз за этот день я выдвинула средний ящик своего старого кособокого стола. Там, в потрепанной бумажной папке, лежал самый загадочный предмет, когда-либо существовавший на земле. Или уж по крайней мере здесь, в Леруме.

Накануне вечером, когда я, удобно устроившись в кровати, перечитывала третью часть «Гарри Поттера» – наверное, в седьмой раз, – мне вдруг показалось, что Стрела времени начала двигаться. Чтобы всегда чувствовать, что она здесь, рядом, я обычно ношу ее на шее. Тем более что Стрела прекрасно подошла к цепочке, той самой, подаренной папой, с кулоном в виде рыбок.

Кожей я ощутила, как Стрела времени стала нагреваться и почти обожгла меня. Сняв цепочку, я уставилась на Стрелу. Она была горячая и светилась! Готова поклясться, что так оно и было: от нее исходило слабое зеленое свечение. И когда я держала ее перед собой на цепочке, позволив ей свободно раскачиваться, она повернулась в определенную сторону. На этот раз не в сторону центра, а наоборот – в сторону улицы. В какую-то точку под моим окном.

Я соскочила с кровати; секунды мне хватило, чтобы слететь вниз по лестнице. Засунув ноги в кроссовки, я выскочила за дверь и понеслась, не раздумывая, в ту сторону, куда указывала Стрела времени.

А указывала она прямо на дом Ореста.

2

Сперва я увидела только тень. Плотную настороженную темноту у колючих кустов вдоль дорожки к дому. «Это просто тень, ничего особенного, – успела подумать я. – Просто свет фонаря кажется в сумерках таким призрачным и ветер колышет ветки, пробуждая странные тени». Я бежала к дому Ореста, слякоть так и разлеталась из-под кроссовок.

И тут тень двинулась мне навстречу.

Я замерла на месте, и сердце забилося где-то в горле, затрепетало, как до смерти перепуганная птичка.

Тень быстро подошла ко мне, приобрела человеческие очертания, протянула руку и, крепко схватив меня за локоть, прошипела:

– Стой!

Я попыталась вырваться, но рука сжала меня крепче и голос прошептал:

– Это же я, Месина!

Словно от этого я перестану бояться.

Она стояла передо мной: по-прежнему всего лишь тень и голос, лица в темноте было не разглядеть. Я посмотрела на окно Ореста. А если закричать – вдруг он услышит меня? Но окно темное и угрюмое. Свет не горел нигде в доме. Похоже, у них никого не было.

– Чего... чего ты хочешь? – прохрипела я, вырвавшись из ее хватки. Стрелу времени я поспешно засунула в карман и постаралась расправить плечи, но мой голос, увы, прозвучал испуганно и неуверенно. Действительно ли это Месина?

Зимой, водя за нос Ореста, она тоже все время держалась в тени, так что я не успела ее толком разглядеть. Запомнила только хриловатый смех и насмешливый голос, спрашивавший, правда ли Орест – избранный ребенок. Долгими темными вечерами я думала о ней и содрогалась при мысли, что она бродит где-то рядом; она казалась мне каким-то страшилищем, большим и зловещим.

Но сейчас, когда она наконец вышла из тени и оказалась в свете фонаря, висевшего на столбе перед домом Ореста, я увидела, что мы с ней почти одного роста.

Лицо у нее маленькое и узкое. Волосы с одной стороны пострижены совсем коротко, с другой гораздо длиннее. Крутая прическа – как раз для того, кто хочет выглядеть грозно. Руки в карманах большой куртки – такая чем-то напоминает солдатскую форму и тоже выглядит грозно. Но глаза у Месины были совсем не злые. Скорее... напуганные? Она быстро огляделась по сторонам, направо и налево, словно кого-то искала.

Лицо у нее казалось таким же одиноким, как на старой фотографии, висевшей на стене в школе, где я увидела ее в первый раз. Одинокая среди чужих улыбок.

Я почувствовала, как мой страх почти улетучился.

По крайней мере настолько, чтобы голос у меня зазвучал увереннее.

– Чего ты хочешь? – снова спросила я.

– Поговорить, – ответила она. – Ты ведь можешь меня выслушать!

Выслушать? Все, что я знаю о Месине, – что она лжет, похищает людей, ворует и отбирает чужие вещи и на нее ни в чем нельзя полагаться. С какой стати мне ее слушать?

Я медленно отступала обратно к дому, шаг за шагом по размокшей дорожке. Но Месина шла за мной, делая такие же точно шаги вперед, как я – назад. Поэтому расстояние между нами оставалось чуть меньше, чем мне бы того хотелось.

– Я хочу просто поговорить с тобой, – произнесла она. – У меня есть предложение.

– Я не обсуждаю никаких предложений с таким человеком, как ты! – выпалила я.

Руку я все еще держала в кармане. Стрела времени обжигала пальцы. Я должна была догадаться, кто ждет меня снаружи, когда Стрела зашевелилась: она стремится назад к астролябии, а астролябия-то у Месины. В глубине души я надеялась: Месина не в состоянии вычислить, что Стрела времени у меня с собой. Иначе она запросто отнимет ее, и я не смогу ничего с этим поделать.

– Ты забрала астролябию, – продолжала я, – и похитила Электру!

– Но ведь я ее сразу же вернула! С ней ничего плохого не случилось! – ответила Месина так возмущенно, словно преступницей была я, а не она.

– Ты последовательница Эйгира! – крикнула я.

Месина вздрогнула, словно я ее ударила.

– Вовсе нет! – выкрикнула она. – Я ни за кем не следую, и менее всего – за этим самолюбленным придурком!

Разве не странный ответ?

Месина сбежала из дома, чтобы уехать на хутор Эйгира, где он жил с несколькими своими последователями. Она бросила все: дом, школу, свою бедную маму... Уже больше года ее разыскивает полиция. И даже когда Эйгир впал в кому, она не вернулась домой. А теперь, значит, она с ним не дружит?

– Послушай меня! – сказала она. Подошла вплотную, снова схватила меня за локоть, приблизила свое лицо к моему так, что я ощутила ее дыхание, и заговорила мне на ухо почти шепотом: – У Эйгира планы куда масштабнее, чем ты думаешь. Ему нужны не только золото, или

последователи, или... Всё гораздо серьезнее. На карту поставлено будущее! На карту поставлена жизнь!

Мое трепещущее сердце забилося еще быстрее. Будущее, жизнь! Эти слова я уже слышала. Так говорил неизвестный, вручивший мне самое первое письмо от Акселя, которое надо было передать избранному ребенку, чтобы он или она смогли найти астроблюбу. Неужели Месине известно и это?

– Эйгир не должен знать, что я приходила сюда. Делай что хочешь, только не говори ничего Эйгиру! – продолжала она.

Что она имеет в виду? Эйгир в больнице, он спит и все никак не проснется. Это называется кома. Он впал в кому летом, когда попытался использовать астроблюбу. Эйгиру никто ничего рассказать не может.

Я снова покосилась на темные окна. О, если бы Орест был дома!

– И Оресту тоже не рассказывай! – продолжала Месина, заметив мой взгляд. – Он не может противостоять Эйгиру.

– Да нет, Орест никогда... – я хотела сказать, что полностью доверяю Оресту, что он ненавидит Эйгира, но Месина прервала меня.

– Ты ничего не знаешь! – громко произнесла она, выпустив мой рукав. – Ничего. Орест наверняка рассказал тебе, как он сбежал с хутора Эйгира? Как побежал за помощью, когда его мама заболела? Так и было, это правда. Но он наверняка не рассказывал, что происходило до того. Все это я узнала, пока была там. Орест был у Эйгира, был его маленьким баловнем и избранником, и ему это очень нравилось. Несколько лет подряд он был любимчиком Эйгира и получал все, на что только укажет пальчиком. Он был уверен не меньше Эйгира, что он, Орест, и есть избранное дитя, совсем не такой, как другие дети, и куда умнее их. Не только родимое пятно Ореста заставило Эйгира поверить, что Орест и есть дитя с лозой, – а еще и то, что они были похожи!

Я уставилась на нее.

– Не доверяй Оресту, Малин! – проговорила она.

– А я все равно буду! Я верю Оресту в сто раз больше, чем тебе! – выпалила я.

Месина отступила назад.

– О'кей, – сказала она. – Нос ним я разговаривать не буду. Только с тобой. Ты должна меня выслушать! У меня есть то, что нужно тебе. У тебя есть то, что нужно мне. Предлагаю заключить пакт.

3

Мы стояли под фонарем на дорожке, ведущей к дому Ореста. Месина снова оглянулась через плечо.

– Мы не можем пойти куда-нибудь еще? – спросила она. – Туда, где нас будет не так видно.

Я тоже огляделась, обвела взглядом тупик, тротуар на другой стороне улицы, но там никого не было. Кого она так боится? Вряд ли соседей.

– Тогда пойдем за наш дом, – сказала я. – По крайней мере, я пойду туда.

Я повернула к саду, расположенному за домом, и услышала за собой шаги Месины.

Я остановилась за углом дома, где сад выходит к лесу. Из окна гостиной на заснеженный газон падал прямоугольник света, но ближе к углу дома было темно, здесь нас никто не видел.

Идеальное место: если я закричу, папа и мама услышат меня и через несколько секунд выскочат через дверь террасы.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила я.

Месина смотрела себе под ноги. Она стояла молча, прислонившись к стене, засунув руки глубоко в карманы толстой куртки.

– Так чего ты хочешь? – снова спросила я. – Астролябия у тебя. Ты можешь продолжать... чем ты там занимаешься.

– Астролябия не работает, – проговорила Месина, – ты и сама знаешь.

Она покосилась на меня, словно пытаюсь понять, что мне известно, а что нет. Мы помолчали.

– Астролябия не работает, потому что не хватает одной части, – продолжала она. – Стрелки, которую называют Стрела времени. Подозреваю, что она у тебя.

Стало быть, теперь она поняла свою ошибку. То, что она украла у нас вместе с астролябией, – вовсе не Стрела времени, а обычная стрелка от часов, хотя и золотая. Я постаралась сохранить нейтральное выражение лица. О, был бы тут Орест! Он куда лучше меня умеет скрывать свои мысли и чувства.

– Нои ты не можешь использовать Стрелу времени, – сказала Месина. – У тебя нет астролябии.

«А вот и нет, – подумала я. – Я могу использовать Стрелу времени, чтобы узнать, где астролябия». Но я закусила губу и молчала.

– Кстати, никто не может использовать астролябию без описания, – продолжала Месина. – В нем сказано, что надо делать, чтобы измерить звездные поля и земные токи. Описание на старом пергаменте, составленное сотни лет назад, – такое же древнее, как и астролябия...

Я бросила на нее быстрый взгляд, просто не смогла удержаться. Часть этого пергамента хранится у меня. Оторванный угол, покрытый загадочными картинками и знаками, спрятан на самом дне ящика моего письменного стола.

– Ну конечно же, – усмехнулась Месина, увидев выражение моего лица. – Все так, как я и думала. Часть пергамента – у тебя. У кого же еще?

Она тихонько рассмеялась себе под нос.

– Но вторая часть пергамента – у меня. Самая большая. И из большого фрагмента понятно, что еще кое-чего не хватает. Астролябии и Стрелы времени недостаточно. Требуется еще что-то, чтобы использовать астролябию и получить власть над звездными полями и земными токами.

– Дитя с лозой? – прервала я ее. – Которого можно похитить!

– Да, – сурово ответила Месина. – Само собой, требуется дитя с лозой. Кто бы это ни был. Но я не про это. Я имела в виду, что для полного комплекта к астролябии нужна еще одна часть. Третья...

– Какая еще часть? – удивилась я. – Что это может быть? Еще одна стрелка?

Сердце у меня в груди снова заколотилось часто-часто. Третья часть, которая нужна, чтобы заставить астролябию заработать!

– Этого я не знаю, – ответила Месина. – Чтобы это понять, надо прочесть весь пергамент.

Весь пергамент. Полное описание астролябии. То, что необходимо, чтобы понять, какая это третья часть и как пользоваться астролябией.

– Так ты предлагаешь... – начала я.

– Сложить вместе наши части пергамента, – продолжила Месина.

– А потом? – спросила я. – Что будет потом?

– Постараемся разыскать третью часть, – ответила Месина, глядя мне прямо в глаза.

– Нет, – заявила я. – Не будет этого. Ты дружишь с Эйгиром. Мы с тобой ничего вместе делать не будем!

Я стиснула зубы. Не допущу, чтобы Месина снова меня обманула.

– Говорю тебе, я НЕ дружу с Эйгиром! – прорычала Месина. – Особенно сейчас.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросила я. – Ведь ты сбежала к нему. Зачем ты это сделала, если тебе он не нравился?

– Ну так ведь... это самое... как сказать – нравился, – Месина заколебалась. – Меня разбирало любопытство. Сперва он сказал мне, что знает массу тайн. И еще – что я особенная. Он называл себя Оракулом Сибиллой. Тогда я чувствовала себя довольно одинокой, вот и стала писать ему, сидя дома за компьютером, сама знаешь.

Я кивнула. Именно так поступала и я сама.

– Он сказал, что у меня есть миссия. Что я должна приехать к нему и что это важно – для него и для других. И мне стало любопытно... Мне показалось, это так здорово – что кому-то я типа нужна. Именно я. Понимаешь?

Понимаю ли я? До глубины души. Со мной все было в точности так же. Оракул заставил меня почувствовать себя важной, значительной, а не какой-то унылой школьницей Малин, от которой никому никакого толку.

– Но потом, когда я приехала туда, все оказалось совсем не так... Эйгир жил на хуторе вместе с несколькими последователями, и те смотрели ему в рот. Все они были одинаковы. Каждый хотел, чтобы Эйгир сказал, будто именно он особенный. Словно Эйгир решал, кто важен, а кто нет! Поначалу он очень интересовался мной. Наверное, думал, что я и есть то избранное дитя с лозой. Но потом он изменил свое мнение и я стала ему не нужна! Он просто задвинул меня. Внезапно вбил себе в голову, что избранный ребенок – все же Орест. А потом – Электра.

Под конец фразы голос Месины зазвучал жестко.

– Но это все равно я, – заявила она. – Избранный ребенок – это я. Что он в этом смыслит? И астроябия пока что у меня!

В глазах у нее промелькнуло выражение то ли упрямства, то ли отчаянной надежды – трудно понять, чего именно.

– У Эйгира свои планы. Громадные планы. Ты себе даже не представляешь! Тот, кто сможет заставить астроябию работать... этому человеку будет подвластно все. Все что угодно. Только подумай!

– А ты-то что собираешься делать? – спросила я. – Что бы ты сделала, если бы смогла использовать астроябию?

Месина сбилась, удивленно посмотрела на меня.

– Я- даже не знаю, – пробормотала она, уставившись на свои ботинки. – Ноя очень хочу, чтобы она заработала. Может быть... А что, если она все-таки работает? Только подумай...

– Как у тебя оказался пергамент? – спросила я.

– Я его стащила, – Месина пожала плечами. – Забрала у Эйгира. Конечно, только тогда, когда он впал в кому. До того я не решалась. Как только я поняла, что он не вернется, то взяла пергамент и свалила из этого ужасного места. Мне там не нравилось.

Она поежилась.

– Ну хорошо, – добавила она, подняв на меня взгляд. – Если ты не хочешь искать вместе со мной, давай искать каждая сама по себе. Просто сделаем так: покажем друг другу наши куски пергамента. А потом и ты, и я постараемся найти третью часть самостоятельно. У того, кто ее найдет, окажется две из трех необходимых составляющих. И тогда проигравший отдаст свою часть победителю. По рукам?

Она предлагала, чтобы та из нас, кто найдет загадочную третью часть, получила бы и все остальные. Так что, если мы с Орестом обнаружим ее, Месина отдаст нам астроябию. Но нет!

– Никогда в жизни, – возразила я. – Откуда я могу знать, что ты точно отдашь мне астроябию, если я найду третью часть? Я тебе не верю.

Месина посмотрела на меня. Глаза у нее блестели. Она немного помолчала.

– О'кей, – медленно проговорила она. – А если я сейчас отдам тебе астролябию? Пусть она будет у тебя. Если я найду третью часть, то вернусь за ней.

Она достала руку из кармана.

– Я тебе верю, – сказала она. – Даже если ты не веришь мне.

Она раскрыла ладонь. В ней лежала всемогущая астролябия.

– Ты получишь ее, – пообещала Месина. – Если я смогу увидеть твой кусок пергамента.

Лунный свет упал на астролябию. Стрела времени так раскалилась – я побоялась, что она прожжет дыру в кармане.

– О'кей, – ответила я. – По рукам.

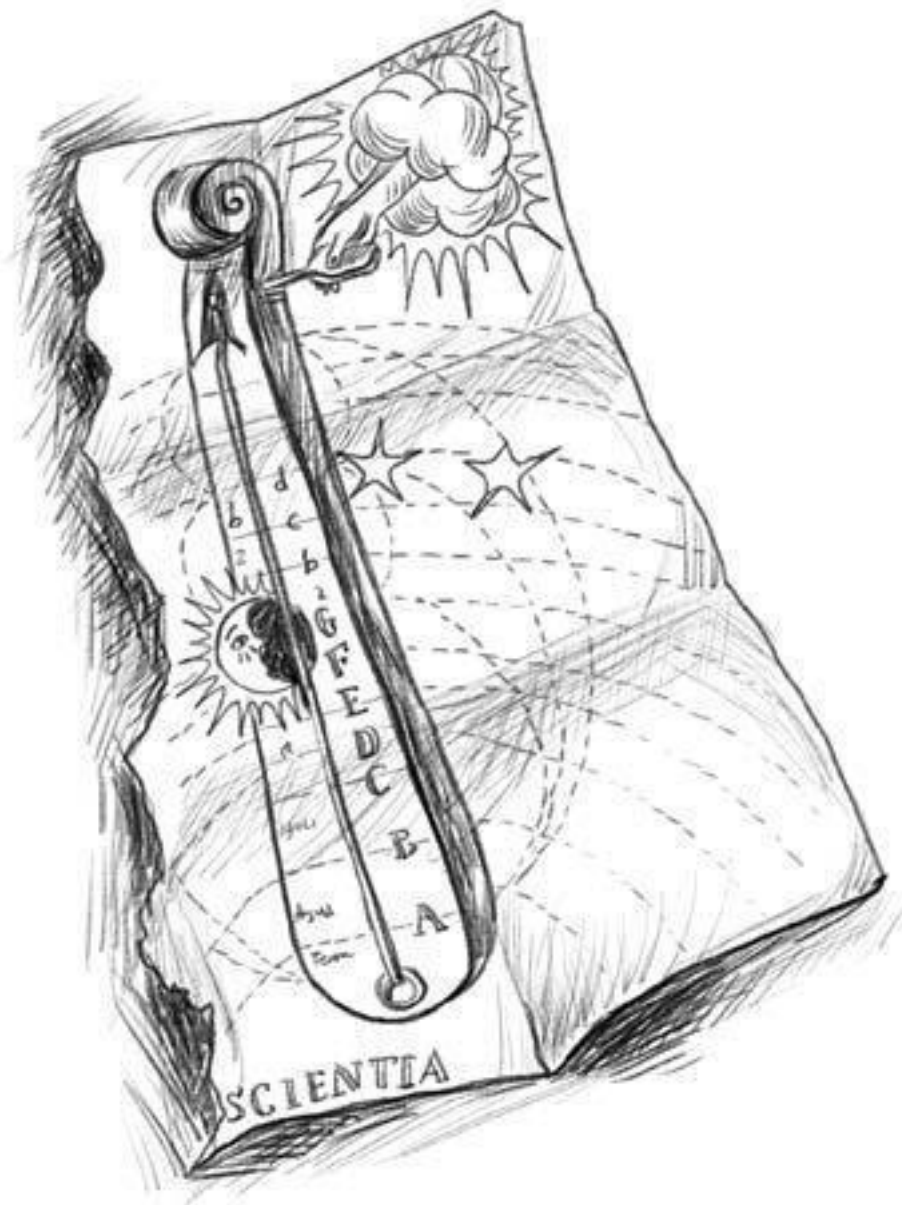
4

Тихонько пробираясь к себе в комнату за куском пергамента, я уже раскаивалась. Можно ли доверять Месине? А что, если она вырвет у меня из рук этот кусочек и убежит в лес с астролябией и всем прочим, прежде чем я успею пикнуть? Но она так не сделала.

Фрагменты пергамента мы разложили на брезенте, которым мама накрыла на зиму садовую мебель. Вернее, сперва Месина подстелила свой шарф, чтобы куски старинного пергамента не промокли. Затем порылась рукой под курткой и достала внушительный свиток, похожий на толстую бумагу. Он похрустывал, когда она его разворачивала. Пергамент все хотел снова свернуться, и нам пришлось прижать его по углам мамиными пустыми цветочными горшками. Так странно было ставить самые обычные цветочные горшки на загадочный пергамент, которому не одна сотня лет.

Одного конца на пергаменте Месины не хватало, весь низ был неровно оторван. Точнее, в этом месте я увидела слово, написанное большими буквами: FIDES.

Дрожащими руками я достала свой кусок пергамента и приложила обрывок, оторванный когда-то давным-давно Акселем, к пергаменту Месины. Он идеально подошел. Теперь стала видна надпись FIDES SCENTIA – через всю страницу. Вера и наука, как и на самой астролябии. Весь документ был исписан витиеватыми буквами, изрисован загадочными рисунками, и...

– Ну давай же, фоткай! – проговорила, дрожа от нетерпения, Месина. Она была совершенно права. Нечего мне тут стоять и мечтать. Она-то сама уже сфотографировала весь пергамент своим мобильным телефоном. Но у меня по-прежнему тряслись руки, пришлось сделать несколько попыток, прежде чем получилось достаточно резкое фото.

– Ну что ж, удачи! – сказала Месина, сворачивая свой кусок пергамента и засовывая его под куртку. Мой кусочек уже лежал у меня в кармане, а обеими руками я, словно слиток золота, держала астролябию. Сердце мое подпрыгнуло, когда Месина отдала мне звездные часы. Оно все еще громко стучало, когда Месина застегнула куртку и сунула руки в карманы.

– Но куда же ты пойдешь? – спросила я. – Где ты живешь?

Месина опустила глаза, попинала ботинком снег.

– Да ну, мне надоело быть в бегах. Вернусь домой. И мамашу порадую. У меня ведь завтра день рождения. Четырнадцатого числа.

Она подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. Лицо у нее было серьезное, глаза блестели в свете луны, и в эту секунду она выглядела как самый настоящий избранный ребенок.

Но не поэтому я поежилась, не из-за лунного света по спине у меня пробежал холодок, словно вдоль позвоночника проползла змея.

Значит, мы с ней родились в один и тот же день. Интересно, знает ли об этом Месина?

Таким образом, моя встреча с Месиной произошла вчера, накануне моего дня рождения. Меня по-прежнему пробирал холод, стоило только подумать об этом, хотя я и сидела в тепле за своим письменным столом. И я никому не могла об этом рассказать, поскольку единственный человек, посвященный в тайну астрологии, отсутствовал. Орест. Где же он? Уехал куда-то, не сказав мне?

Я открыла папку для нот, и золотистый металл заблестел при свете настольной лампы. Дрожа от восторга, я взяла вещь в руки, ощущая приятную тяжесть. Все не могу привыкнуть к тому, какая она красивая. Золотой круглый диск, петелька на самом верху – там, где в металле вырезаны слова FIDES SCENTIA. Это означает «вера и наука». Я провела пальцем по другим загадочным словам, выбитым вдоль края диска: Miras, batnachaythos, Menkar, Augetenar, Aldeboran... и по фигуркам, силуэты которых выступали из округлой выпуклой рамки: собака, рыбка и птицы, чьи клювы направлены в разные стороны. Поверх всего этого была прикреплена стрелка с толстой чертой поперек.

Да, я держу в руках именно астрологию и ничто другое. Именно ее я и собиралась показать Оресту.

Весь день рождения прошел как в тумане: я все ждала момента, когда можно будет поговорить с Орестом. Взяв мобильный телефон, я открыла последнее фото и, наверное, в сотый раз за день увеличила снимок, пытаюсь прочесть буквы. Но вместо них были только причудливые штрихи. За один раз я могла увидеть лишь несколько.

«Astrolabia», – удалось мне прочесть. И еще что-то вроде «Chorda». Но потом я сдалась. Пытаться прочесть документ на крошечном экране – безнадежная задача. Я снова закрыла фотографию.

Все началось с того, что больше года назад я получила от загадочного незнакомца тайное зашифрованное письмо. Письмо следовало передать особому человеку – незнакомец назвал его «дитя с лозой» и заявил, что речь идет «о будущем» и «на карту поставлена жизнь». Поначалу я думала, что дитя с лозой – это Орест, и вместе мы одну за другой находили таинственные подсказки, пока не обнаружили астрольбию. То есть старинный измерительный прибор, который, как считают некоторые, можно использовать для измерения неизвестных сил земли и неба – эти силы еще называются «земные токи» и «звездные поля».

Но был один неприятный тип, Эйгир, который тоже охотился за астрольбией. Он выманил ее у нас и к тому же похитил младшую сестру Ореста Электру, считая, что именно она и есть дитя с лозой.

Дело в том, что дитя с лозой – единственный, кто может использовать астроябью. Это избранный человек, и как раз ему-то дано обрести власть над звездными полями, и земными токами, и мощными Пересечениями силовых линий. В конце концов нам с Орестом удалось получить назад и астроябью, и Электру.

Тогда мы думали, что все закончилось: момент, когда можно было использовать астроябью, миновал, и теперь Эйгир оставит нас в покое. Но потом, осенью, пришло новое письмо с новыми подсказками. Следуя им, мы в конце концов нашли Стрелу времени.

Все письма с подсказками были отправлены человеком по имени Аксель, который приехал в Лерум, где мы сейчас живем, очень давно – в середине девятнадцатого века. Здесь он познакомился с загадочной девушкой по имени Сильвия. Она знала, где находятся астроябья и Стрела времени, и попросила Акселя спрятать их, чтобы никто другой, помимо избранного ребенка из будущего, не смог ими воспользоваться. Если астроябьей попытается воспользоваться не тот человек, это, как предостерегала Сильвия, грозит большой бедой. Когда мы обнаружили астроябью, я была уверена: скоро выяснится, что избранный ребенок – Орест или Электра. Ведь это должен быть кто-то из них!

Но осенью появилась Месина и украла у нас астроябью. Она сбежала из дома, чтобы присоединиться к Эйгиру, и убеждена, что дитя с лозой – это она сама. Единственное, что у нас осталось, когда она исчезла с астроябьей, – маленькая стрелочка с полумесяцем на конце, которая тоже должна находиться на астроябьи.

Я повернула астроябью. Теперь изогнутая Стрела времени снова оказалась на своем месте на ее задней поверхности. Медленно, то и дело подрагивая, она все время двигалась, указывая на знаки, разбросанные по золотому полю на обороте астроябьи. Я по-прежнему не знаю, что они означают. Как можно при помощи этого инструмента обрести власть над звездными полями и земными токами, будь ты хоть тысячу раз лозоходец?

Я положила астроябью обратно в ящик стола, спрятав ее в серебристую папку, где обычно храню старые ноты для виолончели (и которая по этой причине Совершенно Неинтересна моим родителям). Строго говоря, мне хотелось бы положить астроябью на стол, чтобы все время видеть ее, такая она красивая. Но гораздо веселее будет сделать сюрприз Оресту. Представляю выражение его лица, когда я достану астроябью!

Но почему же он все не приходит? Неужели я должна сама прийти к нему, хотя у меня сегодня день рождения и все такое?

День прошел чудесно. Мама и папа поздравили меня, были торт и подарки, и все, что нужно, а в почтовом ящике я обнаружила посылку и очень милую открытку от Санны, – но сейчас я внезапно почувствовала себя очень одинокой.

Когда мне одиноко, я обычно делаю одно и то же: достаю свою виолончель. Виолончель, как вы наверняка знаете, – это музыкальный инструмент, похожий на большую скрипку. Его придерживают коленями, когда проводят смычком по струнам, и он издает глубокий теплый звук, почти как живой голос.

Я люблю свою виолончель. Ей более ста пятидесяти лет, и она принадлежит мне потому, что ее послали мне на моем пути загадочные земные токи и звездные поля, те самые, которые можно измерить при помощи астроябьи. Или же все это произошло случайно (так думает Орест).

Прежде чем начать играть, я провела рукой по слову, вырезанному на самой верхушке грифа, возле ракушки, – FIDES, это означает «вера». В точности как в том пергаменте. В точности как на астроябьи.

Когда-то, еще в девятностые годы девятнадцатого века, это слово написал там Аксель. А играла на этой виолончели Сильвия – девушка, знавшая загадку астроябьи. И еще она пела такую песню:

То, что привыкли мы видеть вокруг,
Новой картиной сменяется вдруг.
Ныне пришел Рудокоп, а за ним —
Скрежет и грохот, гуденье и дым.
Это повсюду, до края земли
Сети блестящих дорог пролегли.
Скоро ль, дитя, что с лозою грядешь,
Силы заветной источник найдешь?
Самой короткою ночью, когда
Красная с желтой сойдется звезда,
Там, где людские скрестились пути,
Стрелка небесных часов привести
Сможет тебя непременно к тому,
Что не открылось досель никому.
Звездные вмиг развернутся поля.
Мощные токи извергнет земля.
Птицы вослед за тобой полетят
И о победе твоей возвестят.

В песне говорится о загадочных звездных полях и земных токах, а еще о том, кто может подчинить их себе, — он называется «дитя с лозой»...

Играя мелодию, я мысленно вспоминала слова. У меня в руках виолончель, когда-то принадлежавшая мистической Сильвии. Я играю мелодию, которую играла она — и при этом пела песню, чьи слова так важны, что совершили путешествие во времени, чтобы достигнуть нас. И теперь мы найдем путь к третьей части, в этом я убеждена.

Скоро мы узнаем, что имела в виду Сильвия, когда говорила о звездных полях и земных токах.

То, что привыкли мы видеть вокруг,
Новой картиной сменяется вдруг...

Я с особым чувством провела смычком по струнам, извлекая последнюю ноту, так что струна завибрировала — звук заполнил комнату, зазвучал у меня в ушах.

Во входную дверь постучали. Три кратких стука.

Орест!

— Я открою! — крикнула я и кинулась вниз по лестнице, пока никто не успел меня опередить. И действительно, на нашем крыльце стоял Орест. Как обычно: брюки от костюма, светлая отутюженная рубашка, сверху куртка от дождя. Лицо у него было бледное, как всегда, а волосы аккуратно приглажены. Но рот сжался в узкую полоску, глаза смотрели серьезно.

— Эйгир, — произнес он. — Эйгир очнулся.

5

— Эйгир хочет заполучить Электру! Он заберет мою сестру! — выпалил Орест. — Я точно знаю! Он никогда не отступится. Никогда не оставит нас в покое.

Орест говорил быстро-быстро, шагая взад-вперед по моей комнате — от письменного стола к кровати и обратно, так что тряпичный коврик на полу начал скручиваться.

– Все кончится тем, что нам придется снова переехать к нему – всем нам! Он сумасшедший, он...

– Стоп! – крикнула я. Орест уже до того разошелся, что невозможно было понять, о чем он говорит. – Откуда ты вообще знаешь, что Эйгир очнулся?

Орест резко остановился.

– Маме позвонили из больницы, – ответил он. – Видимо, она у них записана в документах как ближайшая родственница.

Эйгир не только сумасшедший лидер секты, готовый на все, чтобы подчинить себе тайные силы, в которые фанатично верит. Он еще и отец Электры, младшей сестры Ореста. Орест, Электра и их мама Мона жили вместе с Эйгиром, когда Орест был помладше. Эйгир думал, что Орест – избранный ребенок, то самое дитя с лозой, которое может управлять астролэбией. Орест все это ненавидел, так говорит он сам. Но Месина утверждает нечто совсем другое: якобы Оресту нравилось быть избранным.

Орест – очень необычный человек. Я уже немного рассказала, как он выглядит: на нем всегда такая аккуратная одежда, как у взрослого, который хочет показаться серьезным и важным. Никогда не носит джинсы или веселые футболки, как другие у нас в школе. Однако самое необычное в нем – вовсе не то, как он одевается.

На руке у Ореста родимое пятно, и выглядит оно как крестообразная стрела, то есть стрела, перечеркнутая у основания. Этот знак точно такой же, как одна из стрелок астролэбии! К тому же такая стрела – символ Стрельца в зодиаке. И – угадайте, когда родился Орест? В ноябре, под знаком Стрельца. Эйгир считал, будто родимое пятно Ореста означает, что он избран для особой миссии, то есть это значит, что он и есть дитя с лозой.

Но Орест говорит, что его родимое пятно – случайность. Обычные точки на коже, случайно образовавшие узор в форме стрелы. В мистику он вообще не верит, тем более в гороскопы и звездные знаки. Его интересует только то, что можно доказать научно, при помощи математики и логики.

Иногда я и сама думаю, что Орест – избранный ребенок. В нем есть что-то особенное: временами в его глазах мерцает свет, похожий на звездопад в зимнюю ночь. Но самому Оресту я предпочитаю об этом не говорить.

– Сотрудники больницы спрашивали, не у нас ли он, – продолжал Орест.

– Что? – воскликнула я. – Они что, не знают, где он?

Орест покачал головой.

– Не знают, – проговорил он. – И это очень странно. Судя по всему, он очнулся еще в конце декабря, несколько месяцев назад. Но человек, пролежавший полгода в коме, видимо, не может сразу встать и сбежать. Такой человек обычно бывает в плохой форме, поскольку организм долгое время не работал как надо. Поэтому Эйгир оставался в больнице для реабилитации и тренировок, чтобы восстановиться. Но теперь сотрудники больницы сказали маме, что Эйгир исчез.

– Так он сбежал? – спросила я. – Сбежал из больницы? Или кто-то пришел туда и... забрал его?

Я поежилась. Мне ли не знать, что у Эйгира множество последователей, один другого безумнее.

– Вот и я так подумал, – ответил Орест, – что его забрали последователи. И ты знаешь, что есть у последователей Эйгира?

Я уставилась на Ореста. Что? Что такое еще у них есть?

– Звездные часы, само собой! Астролэбия! Месине удалось украсть ее у нас, и теперь она, конечно же, отдала ее Эйгиру. Теперь он снова начнет охотиться за Электрой. Ведь ему нужен тот, кого он считает избранным ребенком, – то есть Электра, – чтобы использовать астролэбию.

Но сейчас астролябия не у Эйгира, она лежит у меня в ящике письменного стола! Я улыбнулась и уже собиралась рассказать об этом, когда Орест прервал меня.

– Если бы я только мог добраться до астролябии! Если бы она была у нас! – проговорил он с тоской.

Я улыбнулась еще шире и потянула за ручку ящика. Как удивится Орест, когда увидит астролябию! Ящик, как обычно, заело, и я потянулась за ножом, которым его обычно поддеваю.

– Если бы я мог добраться до астролябии, – продолжал Орест, снова нарезая круги по комнате, – я бы ее уничтожил. Разбил бы, растоптал – нет, я бы ее переплавил!

– Что? – изумилась я и уронила нож, который с грохотом упал на пол. – Зачем? Зачем уничтожать астролябию?

Орест посмотрел на меня долгим взглядом. Потом медленно произнес:

– Если астролябия перестанет существовать, Эйгир оставит нас в покое. Зачем ему дитя с лозой, если нет никакой астролябии?

– Но ведь раньше ты хотел оставить астролябию у себя, – проговорила я. – И потом продать ее за кучу миллионов!

Старинные инструменты, такие как астролябия, очень ценные. У Ореста всегда было мало денег, и он мечтал продать астролябию, чтобы стать богатым и съехать из дома, как только ему исполнится восемнадцать.

– Нет, – ответил Орест и потряс головой. – Я передумал. Важнее избавиться от Эйгира, чем получить все эти миллионы.

Ну и что мне теперь делать? Астролябия лежит у меня в столе, но я вовсе не хочу ее уничтожать.

– Но если бы у нас все же была астролябия, – осторожно начала я, – тебе, наверное, захотелось бы использовать ее?

– Нет, – строго ответил Орест. – Потому что астролябия не работает. Ни со Стрелой времени, ни без нее. Все это старые суеверия!

Он многозначительно посмотрел на меня, словно говоря «Малин-ну-пожалуйста-мы-ведь-уже-сто-раз-об-этом-говорили-только-не-говори-что-ты-по-прежнему-веришь-во-всю-эту-ерунду», и продолжил:

– Если бы у нас была астролябия, это бы нам несколько не помогло. Эйгир только попытался бы забрать ее у нас вместе с Электрой. Единственный способ избавиться от него – сделать так, как я сказал: уничтожить астролябию и дать знать Эйгиру, что ее больше нет.

Пожалуй, не самый удачный момент убеждать Ореста в прекрасных качествах астролябии.

– Ты уверен? – спросила я. – Ты действительно думаешь, что он снова будет охотиться за Электрой? Ты боишься?

Орест плюхнулся на мою кровать. Провел рукой по покрывалу, брошенному кое-как поверх одеяла.

– Да, или... нет, вернее... не знаю. Не то чтобы я боялся... – проговорил он. – Хотя... да. Если сейчас он верит в то, что Электра – избранный ребенок, как он думал раньше про меня, то он ни за что не оставит ее в покое. Будет настаивать, чтобы она была рядом с ним. А у него она не сможет жить обычной жизнью, играть с другими детьми. Он будет постоянно следить за ней и все время ожидать, что она начнет творить какие-то там чудеса... при этом к ней самой он совершенно равнодушен.

Я кивнула. Пожалуй, самое ужасное – это люди, которые используют других, относясь к ним равнодушно.

– А что, если Электра ему поверит? – продолжал Орест. – Что, если она сама начнет думать, что она избранный ребенок, не такая, как все? Ребенок, который и вправду может управлять загадочными силами. Что тогда из нее выйдет?

Я опустила глаза. Ответа я не знала. Разве человек не захочет быть непохожим на других? Особенно если это правда – если ему действительно по плечу такое, чего не может никто другой?

– Она вырастет помешанной... и несчастной, – продолжал Орест. – Но самое ужасное – если бы Эйгир заявился к нам домой и постучал в дверь, мама тут же постелила бы ему в гостевой комнате. Ты ведь знаешь, какая она...

Добрая – вот такая мама у Ореста. Ее зовут Мона, и она верит во все: в привидения и духов, в целительные травы и предсказания – во все, что только можно себе представить. Пожалуй, единственное, во что она не верит, – это математика и логика. На обычную работу она не ходит, а принимает на дому людей, у которых разные проблемы. И пытается им как-то помочь. Кладет им на голову кристаллы, дает отвары трав, гадает на картах, ищет ответы при помощи маятника, поет гимны – короче, делает всякие мистические и магические вещи. Почти как ведьма. Только добрая ведьма. За одно утро она успевает проделать больше странных телодвижений, чем многие люди за всю свою жизнь.

Но она добрая до мозга костей. Думаю, именно поэтому так много людей приходит к ней за помощью. Может быть, им вовсе не нужны гороскоп или кристаллы, которые надо положить на живот. Может быть, им просто нужен добрый человек, который бы их выслушал.

Но Орест – он, конечно же, считает, что Мона могла бы заняться более практическими делами, типа оплатить счета или дать Электре с собой в садик дождевик и резиновые сапоги, а не выслушивать проблемы других. Хотя Орест и собирается уничтожить астрология, я все же должна рассказать ему все про нее и Месину. Он по-прежнему сидел на моей кровати, то и дело проводя рукой по покрывалу, усталый и расстроенный.

Я как раз собиралась открыть рот, чтобы все рассказать, когда он воскликнул:

– Ах да!

Так неожиданно, что я буквально подскочила. Он посмотрел на меня решительным взглядом, и я подумала, что он сейчас в своей взрослой манере сообщит мне о каком-то важном решении. Орест поднялся, оказавшись прямо передо мной – я сидела на стуле за письменным столом.

Тут он достал из кармана брюк маленький пакетик, завернутый в газету и перевязанный коричневой ленточкой.

– Поздравляю с днем рождения, – выпалил он и сунул пакетик мне в руки.

– Спасибо, – ответила я, принимая подарок. – Как мило, я-то ду...

– Ну, я пошел, – прервал он меня. – Поговорим завтра.

Я и рта не успела раскрыть, а он уже исчез. Я слышала, как он спустился по лестнице, вышел в прихожую, затем хлопнула входная дверь. У меня хватило ума не побежать за ним. Наверняка он сильно покраснел. И не может представить себе ничего хуже, чем смотреть, как я открываю подарок.

Узел оказался таким крепким, что мне пришлось разрезать ленточку канцелярскими ножницами. Под газетой оказалась маленькая белая коробочка, а в коробочке я увидела розовую шелковистую бумагу. Отогнув ее, я обнаружила подарок. Это был листик из серебристого металла, красиво собранный из блестящих нитей, создающих как бы прожилки. С одной стороны лист был изогнут, отчего казался более живым, как будто изгибался на ветру. На задней стороне оказалась булавка, при помощи которой можно было прикрепить его, как брошь.

Очень красиво! Мне показалось, что это какая-то старинная вещица, несомненно, сделанная давно. Осторожно проведя пальцем по краю листика, я подумала, что Орест разыскал его где-то, может быть, в магазине Красного Креста, и купил для меня. А потом так красиво упаковал, обернув в шелковистую бумагу и все остальное.

Не знаю почему, но от всего этого я чуть не расплакалась.

6

Когда я проснулась на следующее утро после своего дня рождения, все снова стало как обычно. Я обрадовалась, потому что солнечно-желтый джемпер – вчерашний подарок – висел на стуле, а звуки из кухни означали, что завтрак уже на столе. Но секунды через четыре я вспомнила, что все совсем не так, как надо. Казалось, темная тень пронеслась по комнате – отскочив от балконной двери, мимо виолончели, стоящей в углу, над письменным столом с его старыми покосившимися дубовыми досками – прямо ко мне.

Да, конечно. Эйгир. И Месина. А еще пакт, пергамент и астролябия – все, о чем я так и не рассказала Оресту.

А если Месина обманула меня? Вдруг ее на самом деле подослал Эйгир? Едва сбежав из больницы, разыскал Месину и заставил ее найти меня. А значит, сейчас Эйгиру известно все – про астролябию, Стрелу времени и третью часть.

Но ведь астролябия у меня! Не мог же Эйгир допустить, чтобы Месина отдала ее мне!

Сегодня я точно должна поговорить с Орестом.

Я тихонько спустилась по лестнице в кухню.

Папа стоял и поливал свой любимый цветок здоровья, который, как всегда, слегка возвышался посреди кухонного стола. Потом он еще и погладил зеленые листья, слегка пахнущие лимоном. Мне даже показалось, что он с ним разговаривает, – по крайней мере, виду папы был такой, словно он что-то бормочет себе под нос.

На нем были коричневые рабочие брюки с большими карманами и застиранная футболка с надписью «Relax». Стало быть, сегодня он собирается работать в теплице. Осенью папа с Моной купили старые теплицы рядом с Оторпом. Они намереваются выращивать экологические овощи, чтобы продавать их потом в магазины и рестораны.

Все это немного непривычно – ведь раньше, до того как папа заболел, он всегда уходил на работу в костюме с галстуком и начищенных ботинках. Теперь же все как раз наоборот. Костюм с галстуком он надевает только на какие-то очень важные мероприятия, которых почти никогда не происходит. В последний раз он так одевался, когда сопровождал маму на рождественскую вечеринку у нее на работе. А вот сам, собираясь на работу, надевает удобные брюки и застиранные футболки. Единственная проблема – судя по всему, когда он носил костюм, то зарабатывал гораздо больше денег, чем сейчас, когда ходит в старых футболках.

Я залезла на кухонный стул и, как обычно, насыпала хлопья в йогурт.

– О, привет, моя большая девочка! – воскликнул папа, увидев меня. – Как ты себя чувствуешь теперь, когда стала на целый год старше?

– Хм, – ответила я, потому что еще не до конца проснулась. – Хорошо, – добавила я немного погодя. Ведь он просто шутит со мной. – Послушай, папа, – проговорила я, когда уже как следует подкрепилась хлопьями. – Ты знаешь, этот самый... папа Электры... ну тот, который впал в кому, когда в день летнего солнцестояния произошла вся эта штука с электричеством, помнишь?

– Да-а, – протянул папа и повернулся ко мне. – Тот, который был немного не в себе, сорвал электрические провода и все такое. А что с ним?

– Он очнулся, – сказала я. – И исчез.

– В каком смысле исчез? – удивился папа, опускаясь на стул напротив меня. – Что ты хочешь сказать?

Я пересказала ему то, что услышала от Ореста. По правде сказать, не так много.

– Странно, – проговорил папа. – Как это из больницы отпустили пациента, который только что был так тяжело болен? Может быть, это просто какая-то ошибка? Иногда случается, что пациента отправляют, например, в другую больницу, а потом какая-то медсестра забывает

сделать об этом запись, а другая медсестра смотрит в бумаги, – вот и создается впечатление, что человек исчез.

Я пожалала плечами. Неужели больница может вот так взять и потерять пациента? Надеюсь, мне вообще не придется болеть. Подумать только, а вдруг бы они потеряли папу в то время, когда он больше находился в больнице, чем дома!

– По крайней мере, Орест так сказал. Говорит, из больницы звонили Моне.

– Да-да, – кивнул папа и серьезно посмотрел на меня поверх чашки с чаем. – Но в этом нет ничего страшного, Малин. Ты ведь понимаешь, да? Он не опасен. Просто немного... странный. Да, вот именно. Странный. Самое подходящее слово.

– А где мама? – спросила я.

– Она сегодня рано уехала на работу, – ответил папа. – Во второй половине дня у нее встреча с консультантом по лечебной гимнастике.

Мамина нога почти восстановилась после травмы, полученной зимой, когда она поскользнулась на льду. Она старается как можно чаще делать специальные упражнения – например, когда смотрит телевизор или завтракает.

– Кстати, не хочешь в выходные пойти со мной в поход? – спросил папа ни с того ни с сего.

– В поход? – переспросила я и посмотрела на покрытую тающим снегом улицу за окном. – Это как? Ночевать в палатке? В марте?

– М-да, – пробормотал папа. Теперь он тоже посмотрел за окно. – Пожалуй, действительно рановато. Но можно переночевать в сторожке. И затопить там печь.

Он с надеждой посмотрел на меня.

– Папочка, давай поговорим об этом в мае, – ответила я как можно добродушнее. Он рассмеялся. Это хорошо. Не хотелось его огорчать. Но и ночевать в палатке при минусовой погоде тоже совсем не хотелось!

Я надела джемпер, полученный в подарок на день рождения, и чистые джинсы. Немного поразмыслила, куда мне прикрепить брошь, подаренную Орестом, – на джемпер или на сумку, – и в конце концов приколола ее на грудь. Орест наверняка обрадуется, увидев, что я ношу его подарок. Потом я накинула куртку и надела светлые тонкие кеды, хотя это было очень глупо. Почему? Потому что кеды не совсем подходят, когда идешь в школу по тротуару, покрытому полурастаявшим снегом, который еще и слегка песком посыпали – по этому песку подошвы так и скользят.

В этом году зима какая-то странная. Снег не выпал, когда его все ждали – например, на Рождество или спортивные каникулы в феврале. В то время было серо, темно и шел дождь, день за днем. Просто невозможно объяснить, как темно бывает зимой, когда солнце едва появляется на небе, затянутом серыми тучами.

И только в конце февраля, когда все уже настроились на весну, с неба повалил снег и стало жутко холодно. Хотя всего на две недели. Теперь снова все растаяло.

Я люблю снег, но все-таки лучше всего, если он выпадает зимой.

Сейчас снег как-то скукожился. На тротуарах лежали серые кучи – то сырость и слякоть, а то вдруг твердый замерзший лед. Тут очень пригодились бы зимние сапоги или на худой конец резиновые и шипы для обуви, чтобы не замерзнуть, не промокнуть и не поскользнуться.

Но в школу всё равно все приходят в кедах – в старших классах погода и одежда не имеют друг с другом ничего общего.

В классе я всегда сижу с Санной, она моя лучшая подруга, и, само собой, она тут же заметила брошь.

– О, какая ми-и-и-лая! – воскликнула Сання и сняла ее с меня, чтобы хорошенько рассмотреть, а потом вернула, и я приколола листочек обратно. Бросила взгляд назад, где сидел

Орест – он явно слышал слова Санны, потому что уткнулся в стол. Но я заметила, что он улыбается и щеки у него слегка порозовели.

Орест всегда садится сзади и как можно дальше от одной личности в классе. Эта личность – Анте.

Описание Анте:

1. Внешний вид: самые модные кеды. Самая модная куртка. Самая модная прическа. Самый крутой велосипед последней модели.

2. Хорошо получается: футбол.

3. Получается не очень: проявлять такт.

4. Цель в жизни: всегда лезть вперед и считаться самым крутым.

Впрочем, сейчас я, наверное, несправедлива. Потому что у личности Анте есть еще одна сторона, незаметная в школе. У него есть прабабушка Герда, и он ее очень любит. Ей почти сто лет, и Анте едва ли не каждый день навещает ее и выгуливает ее мопса. Он любит всякие старинные предметы, которые она хранит в своем доме, и ведет себя совершенно по-человечески, пока ты с ним вдвоем. По крайней мере, раньше мне так казалось. Но сейчас я уже не знаю.

Как бы мне хотелось, чтобы не Анте, а кто-нибудь другой оказался втянут в нашу с Орестом мистерию. Но, вероятно, так было предначертано судьбой.

А дело было так: родня Анте живет в Леруме более ста лет. Дедушка прабабушки Анте дружил с Акселем – тем самым, который знал фрёкен Сильвию и написал для нас письма. Каждый раз, когда я об этом думаю, у меня буквально мурашки пробегают по телу. Не знаю точно почему, но немного жутко думать о том, что Аксель существовал на самом деле.

Бабушка Анте тоже живет в Леруме и обычно стоит за прилавком в магазине Красного Креста в центре городка. Осенью прабабушка Анте, его бабушка и даже сам Анте устроили так, чтобы последнее письмо Акселя попало в руки мне и Оресту.

Узнав об этом, я испытала ужасное разочарование, потому что множество невероятных событий, которые я считала мистическими совпадениями – как будто ими управляли звездные поля и земные токи, – как оказалось, подстроены тетушками из магазина Красного Креста.

А сам Анте – он действительно в меня влюблен, как утверждает Санна? Или просто притворяется, потому что ему любопытно узнать об астрологии?

Как раз в эту минуту он вырвал у Линуса кепку и натянул себе на уши. Линус потянул кепку обратно, и через три секунды целых пятеро парней были вовлечены в шутивную драку – спрашивается, ради чего? Чтобы мы все на них пялились. Что мы, естественно, и делали.

В самый разгар баталии Анте вдруг посмотрел прямо на меня. Ему опять удалось овладеть кепкой, и красный козырек торчал у него надо лбом, когда его светлые глаза устремились на меня. Я тут же уткнулась в свой стол.

Не желаю разговаривать с Анте.

День в школе прошел как обычно, не считая того, что в мобильном телефоне у меня хранился снимок старинного бесценного пергамента, о котором я изо всех сил старалась не думать.

Но именно из-за этого снимка я так обрадовалась, когда Санна заявила, что ей нужно в туалет, – нас как раз впустили в пустую учительскую, чтобы распечатать несколько экземпляров нашей презентации по обществоведению.

– Сейчас вернусь, – крикнула она и выскочила за дверь следом за учительницей, только что оставившей нас одних.

Я быстро огляделась. Несколько низких кресел и диван, обязательная кофеварка и кружки учителей, стоящие в ряд на полке над мойкой. Никого. Я совершенно одна в учительской. Действовать надо быстро.

Достав из кармана телефон, я поскорее переслала снимок на школьный компьютер и нажала Ctrl + P. Когда загудел принтер, я поспешно стерла файл с компьютера. Даже не стала смотреть на бумагу, выходящую из принтера, а быстро сложила ее и засунула во внешний карман рюкзака вместе с телефоном.

Когда вернулась Санна, я как ни в чем не бывало стояла и раскладывала по стопочкам наши распечатки. Хотя щеки у меня горели.

Мне было стыдно делать что-то тайком от Санны. Плохо иметь секреты от человека, которого считаешь своим лучшим другом. Но что я могла ей сказать?

После школы мы с Санной пошли ко мне домой и доделали ту презентацию. Вернее, почти.

Мы сделали шоколадные шарики и съели все тесто прямо из миски, так и не скатав из него никаких шариков.

Посмотрели две серии нашего любимого сериала.

И поразглядывали галерею снимков Санны. Она перестала надевать каждый день новую необычную одежду, как делала всю осень. Теперь она ходит во всем черном. Зато свои идеи необычной одежды зарисовывает на компьютере и выкладывает эскизы на множестве форумов для людей, помешанных на одежде.

– Это гораздо проще, – пояснила мне она. – И никаких ограничений. Но такое я когда-нибудь обязательно сделаю вживую, – и показала мне изображения платья, украшенного перьями и пайетками по всему подолу.

После всего этого мы наконец-то вспомнили, что совсем забыли о нашей презентации. Поэтому закончили уже совсем поздним вечером, и Санна ушла домой.

Тут я уселась за письменный стол. Достала из рюкзака распечатку изображения пергамента и медленно развернула.

Конечно, держать в руках распечатку – совсем не то же самое, что пергамент. Пергамент толстый, толще обычной бумаги, а кусок, который мы получили от Акселя, был такой старый, что у меня буквально покалывало в кончиках пальцев, когда я прикасалась к нему.

Распечатка же – всего лишь картинка на скучной белой офисной бумаге. Но читать здесь было в разы легче, чем на дисплее телефона, где я могла увеличить за раз только маленький кусочек.

Распечатка получилась цветная, так что я могла представить себе, как выглядел оригинал, написанный на желтоватом фоне черными и красными чернилами.

Я открыла страницу в блокноте, в котором обычно делаю записи в школе, и начала писать.

Заметки Малин о пергаменте

Внешний вид

Бумага толстая и пожелтевшая.

Края обтрепавшиеся, неровные.

Текст и картинки нанесены черными и красными чернилами.

Пергамент состоит из двух частей. Моя часть поменьше, часть Месины побольше.

Поверх разрыва красуется надпись большими буквами FIDES SCENTIA. Это означает «вера и наука» – те же слова выгравированы на астробляши.

На той части пергамента, которая осталась у Месины, изображены передняя и задняя стороны астробляши. На передней стороне несколько стрелок. Стрелки такие, какие обычно бывают на звездных часах (то есть астробляхах), но есть и одна дополнительная. Она выглядит как стрела, перечеркнутая у основания. В точности как родимое пятно на руке у Ореста.

На задней стороне астроябии – единственная стрелка, напоминающая серп луны. Это Стрела времени. Еще на задней стороне виднеется множество линий и штрихов. В прошлый раз, когда астроябия была у нас, мы пытались разобраться, что это означает, но так и не смогли.

Но на пергаменте, рядом с изображением астроябии, нарисованы такие же линии и штрихи. Они расходятся по всему листу и образуют нечто вроде карты. Это напоминает карту окрестностей Лерума, которую составил Аксель, когда пытался измерить звездные поля и земные токи.

Слева от карты с многочисленными линиями видна женщина, которая держит астроябию, подвесив ее на какой-то тонкой нити. Выражение лица у нее серьезное, она протягивает руку к стрелкам астроябии.

Справа от линий изображен скелет, он держит астроябию прямо в костях рук. Рот у черепа открыт в странной гримасе, словно он пытается что-то выкрикнуть.

На нашей части пергамента – одна-единственная картинка. На ней изображена струна, натянутая на доске. Из облачка над ней торчит рука, затягивающая винт, чтобы натянуть струну (точно как на виолончели!).

По всей странице вокруг картинок расположен текст, красиво написанный печатными буквами. Он на неизвестном языке. Думаю, на латыни, потому что FIDES SCENTIA – это латынь.

Стало быть, вот как выглядит целый пергамент, который теперь есть и у Месины тоже. Тот, кто его расшифрует, узнает, как использовать астроябию и какая к ней нужна третья часть.

Но я по-прежнему ничего не понимала. Астроябия, нарисованная на пергаменте, выглядела точно также, как та, что лежала у меня в ящике стола, со всеми своими стрелками. Я никак не могла понять, чего в ней не хватает. Долго-долго я разглядывала изображение женщины, державшей астроябию на веревочке. А потом картинку рядом, с кричащим скелетом. Внутри у меня все похолодело. Все это похоже на предупреждение.

Меры:

- 1. Выяснить, что написано на пергаменте.*
- 2. Проанализировать ситуацию.*
- 3. Рассказать все Оресту (если это необходимо).*

7

– Мама, ты знаешь латынь?

Наверное, звучит глупо – как будто я маленький ребенок, искренне верящий, что мои родители умеют всё на свете. Но моя мама не совсем такая, как большинство мам. Она все-таки гений. Часто, когда я спрашиваю у нее что-нибудь между делом, вроде «Почему небо голубое?», она знает ответ и может все объяснить, приводя параметры, диаграммы и длины волн.

От мамы почти всегда получаешь правильный ответ. Но редко – краткий. Поэтому я все-таки чаще спрашиваю папу.

Это я просто к тому, что с мамой никогда не знаешь, чего ждать, и вполне может случиться, что она ответит: «Латынь? Да-да, выучила за четверть часа, когда мне на днях нечем было заняться».

Но оказалось – нет, латыни мама не знает.

– Я могу угадать несколько слов тут и там, – сказала она, делая большим пальцем углубления в шариках теста, лежащих рядами на противне. – Но прочесть не могу, нет. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, просто увидела одну вещь... – пробормотала я. Прошло несколько дней с тех пор, как я распечатала изображение пергамента, и за это время пыталась перевести текст при помощи программы, найденной в интернете. Но хотя программа смогла найти, что слово «Fides» переводится как «вера», а «Scientia» как «наука», мне это мало помогло. Одно слово, другое – понимания всего текста это не давало, и я по-прежнему не улавливала, о чем хочет рассказать пергамент. Мне срочно требовался живой человек, способный перевести это с латыни. Но где найти такого? Мама задумчиво посмотрела на меня, но я поспешила протянуть ей банку с малиновым вареньем. Теперь она занялась тем, что стала раскладывать по шарикам в углублениях – то есть будущему печенье – строго одинаковое количество варенья.

– У меня есть давняя подруга, которая знает латынь, – произнесла она вдруг, даже не глядя на меня. – По крайней мере, я так думаю. Она историк. Но латынь, по-моему, даже историки сейчас не учат.

– Что? Кто? Какая подруга? – спросила я. В жизни не слыхала про такую подругу.

Теперь мама посмотрела на меня еще задумчивее, и я быстро затараторила, что у нас в школе типа проект по истории и я нашла старинный церковный текст, который хотела бы перевести.

Школа, вот оно. Прекрасное прикрытие для всего. И это сработало.

Мама достала планшет и разыскала какую-то женщину по имени Лисе Эльг, профессора университета в Дании.

– Вот, – сказала она мне. – Напиши ей и передай привет от Сусси. Мы с ней учились в одном классе гимназии. Иногда пишем друг другу или созваниваемся. Но по-настоящему мы не виделись с тех пор, как окончили школу. Передай от меня привет и спроси, помнит ли она фонтан.

Лисе Эльг оказалась темноволосой, в больших очках. Вид у нее был ну очень умный, совсем как у мамы. Неудивительно, что они дружили.

Но потом мама захотела, чтобы мы послушали в планшете песни, которыми она увлекалась в подростковые годы, и, когда вернулся папа, мы с ней самозабвенно танцевали посреди гостиной. Само собой, папа тоже захотел поучаствовать, но ему не удавалось попадать в такт, как он ни старался. Впрочем, маму это несколько не волновало, и она начала танцевать с ним, делая совершенно немодные движения в стиле диско. Выглядели они, конечно, ужасно глупо, и я порадовалась, что наше окно выходит в лес и мимо него почти никогда никто не проходит. Но внутри у меня потеплело: мне так нравится, когда мы все втроем одновременно радуемся.

К счастью, мы уже перестали танцевать и выключили музыку, когда во входную дверь постучал Орест.

– Можно мне воспользоваться компьютером? – спросил он, едва мама успела открыть. Разумеется, мама разрешила – ей очень нравится, что Орест интересуется компьютерами. Его-то собственная мама не разрешает ему пользоваться даже калькулятором, считая, что тот испускает опасное излучение. Поэтому Оресту нельзя иметь собственный компьютер, мобильный телефон и вообще ничего, что можно программировать и использовать для счета. И очень жаль, потому что он все такое очень любит. Самый технически продвинутый предмет, которым он владеет, – это наручные часы, но и те не на батарейках, их надо заводить вручную.

Вместе с Орестом я спустилась в мамину компьютерную комнату в подвале. Строго говоря, это кладовка без окон, и мама использует ее как дополнительный кабинет: комната до отказа забита серверами, компьютерами и мониторами. Мама дала нам с собой пакетик с малиновым печеньем, но пришлось пообещать, что мы не станем крошить на стол.

Орест стучал по клавишам, сидя перед маминым (почти самым лучшим) компьютером, которым он обычно пользуется.

– Что ты собираешься делать? – спросила я.

– Найти Эйгира, – ответил он.

Внутри у меня похолодело. Так Орест хочет найти Эйгира? Не лучше ли будет, чтобы Эйгир находился как можно дальше от него и его семьи?

– Вероятно, тебя интересует, как я намерен это сделать, – продолжал он, поглощенный своими планами. – Видишь ли, я надеюсь, что мне удастся взломать список Эйгира с адресами для рассылки. То есть все те электронные адреса, которые он использует, когда пишет своим последователям. Само собой, они зашифрованы, но если мне удастся их расшифровать, то потом я смогу рассказать его сторонникам, что он за человек. Объясню его безумные идеи, вот сторонники его и раскусят.

О, Орест! Он искренне верит, что если только объяснить людям научно и логически, как все обстоит на самом деле, то это убедит их в том, что есть истина. Точно как моя мама! Не понимает, что многие верят в то, во что им хочется верить, вне зависимости от того, есть тому доказательства или нет.

– Ты уверен, что это хорошая идея? – спросила я. – Помнишь ведь, что случилось с Месиной, когда ты ее разыскал.

Орест пристально на меня посмотрел.

– Ну хорошо, – ответил он. – Может быть, не самая удачная мысль – писать сторонникам. Но я все равно хочу знать, где находится Эйгир. Может быть, у меня получится выяснить, где он спрятался и что затевает. По крайней мере, так мне будет спокойнее.

Мне удалось скормить ему две печеньки с малиновым вареньем, прежде чем он принялся искать в интернете следы Эйгира и его последователей.

Потом я поднялась в свою комнату, достала бумагу и ручку.

Добрый день, Лисе!

Передаю большой привет от Вашей одноклассницы Сусси, это моя мама.

Я делаю школьный проект по истории и обнаружила загадочный латинский текст. Не могли бы Вы помочь мне перевести его?

Мама надеется, что вы в порядке и спрашивает, помните ли Вы фонтан. (Я не знаю, что она имеет в виду, но пишу это все равно, потому что она меня просила.)

С приветом,

Малин Берггрен

Затем я сложила листок и положила в конверт вместе с распечаткой пергамента. Аккуратно заклеив, я написала на нем адрес университета в Дании.

Посылать все это по электронной почте показалось мне небезопасно. Если Орест может взломать почту Эйгира, то и Эйгир может взломать мою.

8

Письмо профессору Лисе отправилось в путь. Я очень надеялась, что она ответит быстро и перевод пергамента поможет мне понять, что же такое эта самая третья часть. А еще – где она находится.

Меня тревожило, что время летит слишком быстро, а я ни на шаг не продвинулась в ее поисках. Месина предложила, что та из нас, кто первой найдет третью часть, получит и две других. Стало быть, она была весьма уверена, что будет первой. Но откуда ей это знать? Наверняка уже прочла пергамент и получила большое преимущество передо мной. Она и, воз-

можно, Эйгир... Впрочем, в такое сообщничество я всерьез не верила. Мне показалось, что она искренне возмущалась, когда речь зашла об Эйгире. Надеюсь, Месина говорила что думает, когда назвала его «эгоистичным придурком».

В ожидании ответа от Лисе мне оставалось только проработать единственную возникшую у меня идею о том, где поискать решение загадки. Когда мы с Орестом нашли астролябию, она была закопана рядом с остатками старинного хутора в лесу, где ее когда-то давно спрятал Аксель. А осенью, когда нам в руки попали новые зацепки, позволившие нам разыскать Стрелу времени, мы обнаружили ее в шкатулке, зарытой там же. Может быть, и третью часть Аксель спрятал вблизи хутора в лесу? По крайней мере, эту догадку следовало проверить.

В субботу выдался прекрасный день для лесной прогулки. Во-первых, Орест должен был тренироваться со школьной командой в эстафете, так что не было никакого риска с ним столкнуться; во-вторых, светило солнце.

Как раз растаял последний снег, ручей всюду разлился и бурлил. Я шла по тропинке, грязной и размокшей, но солнце светило сквозь голые ветки сразу со всех сторон таким красивым весенним светом, что хотелось просто кричать от радости. Первый мостик через ручей полностью залило водой. Я долго стояла, размышляя, смогу ли перейти на другую сторону, балансируя, по перилам. Но потом решила пройти по тропинке дальше, к следующему мосту, его затопило не полностью. Осторожно перебравшись по нему, я лишь немного замочила кеды.

Это место в густом лесу какое-то особенное. Каждый раз, когда я приближаюсь к нему, мне чудится, что пение птиц становится громче, а все остальные звуки стихают. Кажется, будто время остановилось: скоростные трассы и железнодорожные рельсы, дома и станции, то есть все, что гремит и звенит в современном Леруме, буквально в двух шагах от меня, – всего лишь сон или даже сон о сне. Такое чувство, словно во всем мире существует одна только эта крошечная лужайка со старой яблоней и каменными ступенями, оставшимися от лестницы дома, должно быть, стоявшего здесь когда-то. И, конечно же, могилка, на которой написано «Сильвия». Сначала я подошла к старому дереву – думаю, это бук – и провела рукой по надписи СРЖБХРЪМ, вырезанной в коре. Аксель неспроста вырезал здесь эти буквы – шифр, по которому можно узнать, в каком месте дитя с лозой сможет использовать астролябию. Проблема только в том, как говорит Орест, что шифр дает разные ответы в зависимости от того, какой ключ в него подставить, то есть смотря кого считать избранным ребенком. Но мне нравится воображать, как Аксель стоял здесь с охотничьим ножом и вырезал буквы на дереве, которое тогда наверняка было гораздо меньше. И что Аксель существовал на самом деле. И правда это или нет, но он верил, что прикоснулся к чуду – такому важному, что он готов был сделать все, лишь бы его рассказ и астролябия достигли избранного ребенка сто семьдесят лет спустя.

Сделав глубокий вдох, я достала из рюкзака астролябию, немного надеясь на чудо. Может быть, астролябия так скучает по своей третьей части, что Стрела времени пробудится к жизни, заплыает и повернется, указывая мне путь?

Держа астролябию обеими руками, я начала поворачиваться вокруг себя. Крестообразная стрела, расположенная спереди, медленно двигалась по металлической пластине. Повернув астролябию, я заметила, что Стрела времени дрожит, дергаясь то туда, то сюда. Она такая маленькая и легкая – приходит в движение, стоит мне чуть-чуть повернуть астролябию. В какую сторону, вернее, на какую стрелку мне сейчас ориентироваться? В полном недоумении я поворачивалась в разных направлениях, как делаешь, пытаешься определить стороны света при помощи компаса. Один раз, хотя и очень слабо, – или мне просто показалось – в астролябии что-то задрожало. Еле уловимое движение, легкая вибрация. Что мне было терять? Я восприняла это как знак и шагнула туда, куда указывала крестообразная стрелка.

Сделав всего несколько шагов, я оказалась у камня с надписью «Сильвия». Когда я увидела его впервые, то очень испугалась. Но сейчас я знаю, что под этим камнем лежит ста-

рая собака Акселя. Это собаку он назвал Сильвией – наверное, чтобы она напоминала ему о девушке, встреченной им в молодости. И там, возле камня Сильвии, я обнаружила, что кое-что изменилось. Здесь кто-то побывал. Рядом с камнем Сильвии виднелся коричневый прямоугольник голой земли, выделявшийся среди нежных зеленых побегов. Совсем не похожий на кочки вокруг, покрытые желтой прошлогодней травой. Кто-то копал яму, именно в этом месте и не так давно. А что, если это Месина? А что, если третья часть, какая бы она там ни была, уже исчезла?

Тут я почувствовала себя совсем глупой. Что я, собственно говоря, ищу? Я вернулась к остаткам старого дома и уселась на каменную ступень. Видать, меня обманули, как обычно. Скоро появится Месина с третьей частью и потребует у меня астроблюбу. И что мне тогда делать?

Через пару минут в кармане отчетливо завибрировало. Но это, разумеется, была не астроблюба, а сообщение от мамы на мобильник.

«Где ты? Маффины ждут», – писала она. Я послала в ответ большой палец.

И двинула домой.

Когда я вернулась из леса, мама с папой сидели на диване в гостиной, и мама крикнула мне, чтобы я шла быстрее, пока маффины не кончились.

– Кстати, где ты была? – спросила она из комнаты, когда я была еще в прихожей.

– Я просто... просто встретила у школы с Санной, – проговорила я. – Она забыла у меня в рюкзаке свой пенал.

Плохая отговорка. И – NB!¹ – я терпеть не могу лгать. Просто мама всегда и обо всем спрашивает, так что иногда приходится. Она непременно бы Встревожилась, скажи я ей, что ходила в лес одна. А если бы я еще и призналась, что в одиночестве хотела опробовать в лесу мистическую астроблюбу, ее Тревоге не было бы пределов.

– Я сейчас! – крикнула я папе и маме в гостиной. Быстро поднялась наверх и спрятала астроблюбу в папке со старыми нотами. Когда я спустилась в гостиную, мама как раз что-то рассказывала папе.

– Статическое электричество, – говорила мама. – Оно, конечно же, безопасно, но очень неприятная штука. Подумать только – получить удар током, когда вынимаешь почту из ящика.

– Вы о чем? – спросила я, рухнула на диван и взяла с блюда пирожное. – Как? – воскликнула я в следующую секунду, увидев, что папа тоже поглощает маффины. – Ты же не ешь сахара – или как?

– Они без сахара, – с довольным видом ответил папа. – Сусси сделала их с медом.

Он бросил на маму благодарный взгляд.

Мама многозначительно улыбнулась мне, словно говоря: «Нет никакой химической разницы между сахаром из пакета и сахаром, содержащимся в меде, но не говори ничего папе, пожалуйста».

– Как бы там ни было, – продолжала мама, – я рада, что это не наш дом.

Она отложила «Лерумскую газету», и я тут же схватила ее – так не терпелось узнать, о чем речь.

Лерумская газета. СУББОТА, 20/3

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ШОК НА УЧАСТКЕ

На многих участках в окрестностях Флуды возникли серьезные проблемы со статическим электричеством.

Уже много лет несколько семей живут вблизи линии электропередач.

Поначалу они не испытывали серьезных проблем.

¹ NB, nota bene – «Обрати внимание!» (лат.)

Однако в последнее время ситуация резко ухудшилась. Жители получают электрические разряды от машин, прицепов и почтовых ящиков – практически от любого предмета, сделанного из металла.

– Просто невозможно выйти на участок, не получив при этом удар током, – говорит один из жителей местности.

Считается, что проблемы связаны с линией электропередач, создающей вокруг себя электрическое поле. Электрические поля могут приводить к возникновению в округе статического электричества.

– Это совершенно не опасно, но может восприниматься как очень неприятное явление, – говорит Стен Тюрессон из электрокомпании.

Почему проблемы усугубились в последнее время – этому пока не дано никаких объяснений.

Мама пояснила, что статическое электричество может возникнуть, например, вокруг высоковольтных линий. Кроме того, если резко стянуть с себя синтетический свитер в зимний день, когда воздух сухой, – тоже возникает статическое электричество и можно получить удар током от свитера. Наверное, возник дисбаланс электрических зарядов, сказала мама, а такое часто случается вокруг линий электропередач, так как они создают вокруг себя электрические и магнитные поля. Я видела, что маме очень хочется нарисовать все это мне со стрелками, диаграммами и расчетами, но, к счастью, она была немного занята маффинами.

Электрические поля и магнитные поля. Их нельзя увидеть, но они все равно существуют. Об их существовании известно, потому что есть приборы, которыми можно измерить электричество и магнетизм. И, конечно же, потому что есть электрические аппараты, работающие от электричества, и компасы, например, на которые влияет магнетизм. Мама говорит, что электричество и магнетизм – одно и то же: электрическое поле всегда создает магнитное.

Я подумала о земных токах и звездных полях. Их тоже не увидишь глазом. Но вдруг они все же существуют? Ведь мне же действительно показалось, будто я что-то почувствовала, когда проверяла астроблюбу у хутора в лесу. Хотя, возможно, это было статическое электричество. Или все же просто показалось.

Я поела маффин, пока мама с папой обсуждали другие новости из «Лерумской газеты»: в реке поднялась вода, а возле гимназии отмечен риск размыва грунта.

– Кстати, здесь Орест, – сказала мама, когда я доедала третий маффин. – Забыла сказать тебе, он уже давно пришел. Сидит там не меньше часа. Ты можешь спуститься и отнести ему маффин!

Я стала спускаться по лестнице, балансируя с подносом, на котором стояли блюдо с маффином и стакан сока. Меня по-прежнему мучила совесть, что у меня есть секреты от Ореста. Но, едва я спустилась в компьютерную комнату, Орест просиял и улыбнулся мне. Я сразу поняла, что дело тут не в маффине.

– Что делаешь? – спросила я. – Почему у тебя такой довольный вид?

– Я нашел их, – радостно заявил Орест. – Теперь я один из последователей Эйгира. По крайней мере в сети.

– Но ведь он не станет делиться своими идеями с кем попало? Я думала, он живет со своими ближайшими друзьями на хуторе, там, где Ме... – я прервала сама себя. – В смысле, там, где вы жили, как ты рассказывал, до рождения Электры.

– Даже не знаю, – произнес Орест. – Думаю, вряд ли он живет на том же самом месте. Но мне удалось взломать адрес одного из сторонников Эйгира, и теперь я могу читать все, что он им рассылает.

Орест широко улыбнулся.

– Но как тебе это удалось? – спросила я.

– Проще простого. Помнишь нашу бывшую директрису?

Я кивнула. Он имел в виду директрису Альмекэррской школы, где мы с Орестом учились раньше. Она оказалась сообщницей Эйгира и шпионила за мной и Орестом.

– Еще в школе я вычислил ее пароль от почты: это было несложно, она использовала в качестве пароля свое второе имя – Энгслюкка. А ее мейл никто не удалил, хотя она уже не работает в школе, так что теперь я вижу все сообщения, которые приходят на ее старый школьный адрес!

– И что же, Эйгир их ей шлет?

– Да, похоже, она до сих пор значится в его списке верных последователей или что-то в этом духе. Может быть, он не знает, что ей пришлось уйти из школы. Существует только одна проблема...

– Да, что мама все это обнаружит, – прервала его я. – Что ты ей сказал насчет того, чем тут занимаешься?

Мама точно не обрадовалась бы, узнав, что Орест взламывает чужие почтовые адреса с ее почти самого лучшего компьютера.

– Да ну, твоя мама не проверяет, что я здесь делаю. Я ведь не ты, сама понимаешь. Нет, проблема совсем в другом. Посмотри сюда.

Он показал мне экран монитора.

«Всем членам Сообщества. Срочно», – было написано сверху.

Ниже я увидела две цифры: 4/5.

А потом – длинный ряд букв:

Млиуыу_ю_чн_пиоцолвеним_ннаиуфц_юит_рю-
епт_меоз_рчнкьнаа_оек_т_одвалеусяйетбстрияпър.
оюе_м_лСосо_щтк_оаьм_в_оулижпяенртвени_ро-
лЭойотя_йтс._сдатио_ьллс_ажтн_наашДтгелор-
йяге._об_э_уч1етт)_со_чябва_ьссттб_ири2_ои)
ал_сяиди_йтл_яобв_зы_солнар_сщувлик_ехапд_хо-
нинр_йье___л_дая_еп._
Вклад каждого ценен. Посылайте пожертвования на наш
счет. Награда ждет вас.
Оракул.

Глаза у Ореста блестели, он с улыбкой продолжал:

– Беда в том, что все сообщения Эйгира закодированы!

Теперь понятно, чему он так радуется. Такие задачки Орест любит больше всего. Поднимаясь из подвала, я услышала, как за моей спиной снова захлопали клавиши.

В этот вечер у меня не было ни времени, ни желания разгадывать шифры. Ведь я уже знала, где находится астролябия. И, наверное, со временем узнаю, как она работает. Я ушла, оставив Ореста в подвале. Он был так счастлив, что перед ним наконец-то настоящая проблема, что даже, казалось, не заметил моего ухода.

Мама и папа все еще сидели в гостиной. Они нашли какой-то документальный фильм, который теперь лениво смотрели, по очереди клюя носом. Похоже, маму сейчас очень мало волнует, чем там Орест занимается за компьютером. Пожалуй, она ему правда доверяет. Он логичный, основательный, организованный. А вот я...

После Инцидента с интернетом, когда мама узнала, что я несколько месяцев писала Оракулу (то есть Эйгиру), она начала за меня очень Тревожиться. И это, конечно же, правильно. Безумно глупо было писать и рассказывать так много о себе человеку, про которого я даже не знала, кто он такой. Я до сих пор краснею до ушей, стоит мне вспомнить об этом. Поэтому и вспоминаю об этом нечасто. Пройдя на цыпочках мимо мамы и папы, сидевших в гостиной, я поднялась к себе в комнату.

Я еще раз проверила астролябию, убедившись, что она надежно спрятана в ящике стола. Стрела времени, как всегда, подрагивала, словно что-то искала. Внезапно у меня мелькнула мысль: наверное, Месина знает, что Эйгир очнулся и начнет искать астролябию. Может быть, поэтому она и не захотела держать ее у себя? И теперь ей хорошо и спокойно, когда Эйгир охотится за мной, а не за ней?

Но потом я закрыла ящик и сделала то, о чем мечтала целый день: достала из черного футляра виолончель, которая стояла взаперти с тех пор, как я побывала в четверг на уроке.

В отделении для нот на одной стороне футляра лежала фотография улыбающегося мужчины. Йо Йо Ма. Ну правда же, его так зовут: Йо Йо Ма. Это знаменитый американский виолончелист, вероятно, самый знаменитый в мире. Он гастролирует по всем странам, а иногда проводит открытые уроки для виолончелистов, они тоже ужасно талантливые, хотя пока не такие известные, как он. Это называется «мастер-класс». А на листовке, лежащей в том же отделении для нот, было написано, что музыкальная школа, где я учусь, объявляет конкурс на получение стипендии. Один ученик по классу виолончели получит билет в Париж, где Йо Йо Ма в июне проведет такой вот мастер-класс.

Только поймите правильно: само собой, ученик из моей музыкальной школы не может выиграть соревнование с самим Йо Йо Ма. Ни один обычный ученик не заслужил чести даже приблизиться к волоскам из лошадиного хвоста на смычке Йо Йо Ма. Нет, выиграть можно только право поехать в Париж и сидеть в зале, наблюдая, как Йо Йо Ма дает свой урок чуть менее знаменитому виолончелисту.

Звучит совершенно нелепо. Но попробуйте сравнить с тем, что лично вам нравится, и тогда поймете. Это все равно что наблюдать за тренировкой всемирно известной футбольной команды. Или получить возможность сидеть в студии и слушать, когда ваша любимая группа записывает новый альбом. Вот так и для меня было бы незабываемым впечатлением побывать на мастер-классе у Йо Йо Ма.

Я действительно очень хотела выиграть эту стипендию! Моя учительница музыки тоже считала, что надо попробовать. Для конкурса я собиралась подготовить первую сюиту Баха для виолончели соло. Но прослушивание уже первого апреля – чтобы иметь шансы на победу, я должна репетировать каждый день, начиная с сегодняшнего.

Я натянула струны.

И играла до тех пор, пока мама не просунула голову в дверь и не сказала мне, что уже поздно и они с папой собираются лечь спать.

– У тебя не устает рука, когда ты так долго играешь? – спросила она.

Я покачала головой. От игры на виолончели я никогда не устаю.

– Если бы ты столько же энергии тратила на уроки! – добавила мама.

На это я даже не стала ничего отвечать.

9

В то воскресное утро я проснулась от того, что маленький лучик солнца проскользнул из-за опущенной шторы, осветив мою кровать. Меня это не огорчило. С приходом весны мне ужасно нравится, что по утрам снова становится светло. Больше часу я пролежала в постели, наслаждаясь тем, что сегодня выходной. Потом, проголодавшись, спустилась в кухню. Ни мамы, ни папы не было видно. «Чудесно», – подумала я. Иногда мне нравится завтракать, сидя на кухне в полном одиночестве. Поедая хлопья, я смотрела на улицу. Там никого не было, кроме сорок, которые летали туда-сюда с веточками в клювах. Наверное, строили себе гнездо.

Потом я услышала шаги на лестнице, ведущей в подвал. Я подумала, что это мама, но в кухню заглянул Орест.

Его черные волосы были взлохмачены, рубашка помята и даже не заправлена в брюки. В руке он держал свой блокнот. Он что, просидел в компьютерной комнате всю ночь?

– Я взломал шифр, – заявил Орест. – В конце концов мне это удалось.

Глаза у него были красные – похоже, и вправду вообще не спал.

– Вот это 4/5 в начале сообщения – это означает, что надо разделить все буквы на четыре ряда и пять колонок, чтобы прочесть текст. Вот так!

Орест разделил длинный закодированный текст на части, каждая из которых состояла из четырех букв:

*Млиу//ьу_ю//_чи_//тиоц//олве//ним_//ниаи//
уфи_//нооит//_рюе//нт_м//еоз_//рчнк//ьнаа//_оек//
_т_о//двал//еуся//йетб//стри//яьр//.оюе//_м_л//
Сосо//_цтк//_оаь//м_в_//оулы//ьсняе//нртв//ени_//
ролЭ//ойот//я_йа//тс._//сдат//ио_ь//ллс_//ажтн//
_наа//иДтт//елор//йяге//._об//_э_у//еу1е//тт)//
со_ч//ябва//_ысс//ттб_//ири2//_ои)//ал_//
сяид//и_йи//тл_//яобв//_зы_//солн//ар_с//иувл//
ик_e//ханд//_хон//инр_//йье_//_л_//дая_//ен._*

Затем каждое «слово» из четырех букв он занес вертикально в отдельную колонку. Сделав пять колонок, он обвел текст в рамку. После этого начал вписывать в следующую рамку вертикально новые пять «слов», каждое из четырех букв. Получилось вот так:

Мы_по лучил и_нов ую_це	ннюю_ инфор мацию _и_те	перь_ точно _знае м_как	_дейс твует _астр оляби	я._С_ помощ ью_ст релок
_можн о_упр авлят ь_нев	ероят ной_с илой. _Эта_	сила_ должн а_ста ть_на	шей._ Для_э того_ требу	ется_ чтобы 1)_вс е_час
ти_ас троля бии_и _2)_д	итя_с _лозо й_был и_в_н	аших_ руках _в_по следн	ий_де нь_ап реля. _____	

– А затем мы просто читаем текст, сверху вниз, в каждой рамочке отдельно.

Он показал мне свой блокнот.

– Вот самое свежее послание Эйгира своим сторонникам!

*Мы получили новую ценную информацию
и теперь точно знаем как действует
астролябия. С помощью стрелок можно
управлять невероятной силой. Эта сила должна
стать нашей. Для этого требуется чтобы
1) все части астролябии и 2) дитя с лозой
были в наших руках в последний день апреля.*

Стало быть, Эйгир писал об астролябии. Он получил «новую ценную информацию» о ней и выяснил, как она работает. Если Эйгир знает, как работает астролябия, значит, он видел весь пергамент – это единственное объяснение. И тот фрагмент документа, который я показала Месине. А теперь работает над тем, чтобы «все части астролябии» оказались у него к последнему числу апреля. Должно быть, речь идет о загадочной третьей части!

– Эйгир снова охотится за лозоходцем, я так и знал! – продолжал Орест. – Но там было и еще что-то – кажется, ему не хватает какой-то части астролябии! Интересно, как... что с тобой?

Орест озадаченно уставился на меня, и неудивительно: я сама почувствовала, что победела как простыня.

Теперь мне точно придется все рассказать Оресту.

Поглощенный собственными планами, он продолжал:

– Не знаю, можно ли заставить его рассказать, где он спрятал астролябию. Он или Месина. Может быть, мне связаться с ним от имени нашей бывшей директрисы? Если я просто напишу, что мне нужна дополнительная информация, чтобы...

– Мне кажется, тебе не стоит этого делать, – прервала его я. – Не в этом сейчас проблема.

Орест изумленно уставился на меня.

– Возьми себе еды, – сказала я, придвигая к нему пакет с йогуртом. И, пока Орест накладывал себе хлопья, которые потом забыл съесть, я рассказала ему о пакте.

10

Пока я говорила, Орест не проронил ни слова. Он молча слушал мой рассказ о Месине, и нашем пакте, и о том, как составленный из двух частей пергамент должен объяснить, что у астролябии существует третья часть, за которой мы все теперь гоняемся.

– Стало быть, астролябия у тебя? – спросил он. – Месина отдала ее тебе?

Я кивнула.

– А у Эйгира весь пергамент? Как он и хотел?

И снова я кивнула.

– Похоже, да. Ведь он говорит, что получил новую информацию... Хотя я только показала Месине свой кусок пергамента, – добавила я. – Я-то считала, что Эйгир все еще в коме.

Орест принялся рвать на себе волосы.

– Значит, теперь Эйгиру известно, что астролябия состоит из трех частей? Самой астролябии, Стрелы времени, которые сейчас у тебя, и этой третьей части, которой ни у кого нет?

– Да. По крайней мере, мне так показалось по этому его письму. Должно быть, он просит помощи, чтобы найти третью часть.

Орест долго сидел, глядя прямо перед собой и не говоря ни слова. Я уже начала думать, что он заснул. Вдруг он сказал:

– Тут что-то не сходится.

Он снова посмотрел на меня красными от усталости глазами.

– Если у Эйгира и Месины больше нет астролябии, зачем им тогда третья часть?

– Ведь я пообещала Месине отдать ей астроябью, если она обнаружит третью часть раньше меня, – напомнила я. – Она мне доверяет...

Я смотрела в стол. После всего моего рассказа Оресту это прозвучало совершенно нелепо.

– Может быть, Месина тебе и доверяет, – возразил Орест, – а вот Эйгир – вряд ли. У него есть какой-то план... Зачем ему третья часть, если нет астроябии?

Я слотнула. Если Эйгир захочет отобрать у меня астроябью, то он это сделает, тем или иным гнусным способом. Орест снова посмотрел на меня серьезным взглядом.

– Я по-прежнему считаю, что мы должны уничтожить астроябью, – произнес он. – Иначе нам не будет покоя.

Орест имел в виду вот что.

Эйгир верит, что астроябья действительно работает, и хочет использовать ее, чтобы взять под контроль эту самую сверхъестественную силу.

Чтобы астроябья заработала, нужны четыре вещи (как сказано в пергаменте):

- 1) астроябья;
- 2) Стрела времени (которая сейчас на астроябии);
- 3) неизвестная третья часть;
- 4) дитя с лозой.

Если мы уничтожим астроябью со Стрелой времени, тогда самой важной части не будет! Если нет астроябии, то и дитя с лозой ни к чему.

– Понимаешь? – проговорил Орест, смеясь от радости. – Если мы уничтожим астроябью, нам не придется больше тревожиться из-за Эйгира. Зачем ему Электра, если дитя с лозой больше не выполняет никакой роли? Мы уничтожим астроябью, растопчем ее, расплавим, все что угодно. Снимем на видео, как мы это делаем, и пошлем Эйгиру! Тогда он оставит нас в покое!

Я все прекрасно поняла. Но вовсе не согласилась. Уничтожить астроябью? Ни за что!

Мы поссорились. По-другому это назвать нельзя. Орест пытался убедить меня отдать ему астроябью. Он не понимал, как я могу считать, что какой-то дурацкий металлический инструмент дороже его сестры. Я не могла понять, как кому-то вообще может прийти в голову уничтожить такой красивый и магический предмет, как астроябья.

– Ты хочешь все испортить! – крикнула я. – Тогда какой смысл в том, что мы разгадали все послания Акселя! Значит, эта тайна пролежала в земле сто пятьдесят лет без всякой пользы! Теперь никто никогда не узнает, как работают звездные поля и земные токи!

Орест крикнул мне в ответ, что никаких магических сил не существует и он не виноват, что какой-то идиот верил в них сто с лишним лет назад. А он теперь именно из-за всяких таких идиотов вынужден вечно остерегаться самого главного придурка – Эйгира!

Орест ушел, с грохотом захлопнув за собой дверь. Я кинулась вверх, в свою комнату, и открыла ящик стола. Там, в старой папке для нот, по-прежнему лежала астроябья. Я взяла ее в руки и в очередной раз поразились, какая она красивая. Медленно-медленно я стала поворачивать стрелку – ту, что в форме перечеркнутой стрелы. Повернув ее на несколько оборотов, остановила так, чтобы она указывала на рыбку. Потом подтолкнула Стрелу времени на задней стороне, так что она понеслась по кругу, и произнесла вслух:

– Хочу, чтобы Орест изменил свое мнение! Прямо завтра. К завтрашнему дню он должен передумать!

От этого я почувствовала себя ужасно глупо. Так глупо, что даже покраснела, хотя была одна. Неужели я и правда верю, что я – то самое магическое дитя с лозой и что астроябья выполнит мое желание со сверхъестественной силой только потому, что я немного поверчу стрелки? Какая глупость! Я со злостью задвинула ящик письменного стола, так что весь дом

затрясся. Потом заперла ящик, а ключ спрятала за фотографией, которая висит на стене в моей комнате, – на ней мы с папой. Теперь астроябия в безопасности. Никто ее не отберет!

Но потом... потом я почувствовала угрызения совести. Не знаю, правда ли то, что сказал Орест. Действительно ли Эйгир откажется от своих планов, узнав, что астроябия уничтожена?

Единственное, чего хочет Орест, – это жить спокойно, без всяких мистических сил. Он готов пожертвовать астроябией, хотя мечтает продать ее и получить так много миллионов, чтобы уже никогда ни от кого не зависеть. Теперь он готов принести эту мечту в жертву ради того, чтобы его сестра была в безопасности.

А я – я хочу астроябию. Зачем она мне, строго говоря? Стоит ли она того, чтобы рассориться с Орестом?

– Это важно, – прошептала я себе под нос. – На карту поставлена жизнь.

Так сказал человек, больше года назад давший мне первое письмо с подсказками. И Месина повторила то же самое.

О, как мне хотелось, чтобы Орест изменил свое мнение!

Или это я должна изменить свое?

11

Следующее утро мне особенно запомнилось. Никогда его не забуду. Настал понедельник, и все неожиданно оказались дома одновременно. Мама собиралась сесть и поработать, и папа тоже – он хотел заняться счетами, заказами и другими бумагами своей фирмы по выращиванию экоовощей, а потом починить стену рядом с балконными перилами, где образовалась большая трещина.

– Похоже, в земле происходят какие-то процессы, – сказала мама. – Вчера мне показалось, что весь дом затрясся! А ведь земля в этом году не промерзала...

Я слушала маму вполуха: дом и все такое – с этим папа с мамой сами разберутся.

Когда я пошла в школу, они всё еще сидели за кухонным столом. И помахали мне вслед через окно, а я послала им воздушный поцелуй, прежде чем пуститься пулей.

Когда живешь так близко к школе, как я, почти невозможно выйти вовремя. Чаще всего едва успеваешь к первому уроку, просто надо бежать чуточку быстрее, чем накануне.

Весь день я пыталась избегать Ореста. В школе это более или менее получалось: мы и так обычно делаем вид, что не знаем друг друга. А в конце дня я надолго задержалась у своего шкафчика, чтобы Орест точно успел уйти. Но, конечно же, он стоял и ждал меня в дальнем конце школьного двора.

Ни единого шанса удрать от него. А он тут же снова начал меня уговаривать.

– Перестань! – крикнула я. – Ты ничего не знаешь! Я тебе вчера даже пергамент не показала!

Но Орест не слушал. Он продолжал бубнить, что астроябия никак не может работать, что бессмысленно иметь дело с такими суеверными людьми, как Эйгир, которых невозможно убедить никакими логическими аргументами. С такими, как я, судя по всему, тоже!

Я пустилась домой почти бегом. Орест шагал следом. И тут нечего было поделаться – в смысле, он ведь тоже шел домой!

Я шла вперед, не глядя на него, уткнувшись взглядом в асфальт под ногами. Но я слышала, что он идет рядом. Вот я перебежала улицу, не оглядываясь по сторонам, – скоро я буду дома и наконец-то избавлюсь от него.

И тут Орест крепко схватил меня за руку. Я подняла взгляд. Перед нашим домом стояла машина скорой помощи.

Кровь застыла у меня в жилах. В груди что-то оборвалось. Невозможно описать словами, что я почувствовала. Как будто у меня остановилось сердце. Как будто я умерла. Но я явно осталась жива, потому что могла видеть. И увидела, как открылась дверь и двое санитаров вышли с носилками. На носилках лежал папа, мой папа, но санитары бегом побежали к машине, захлопнули двери, а потом я услышала вой сирены. Ненавижу этот вой.

Орест оттолкнул меня к почтовым ящикам, чтобы мы не стояли на дороге, когда машина скорой помощи разворачивалась в тупике перед нашим домом.

Потом я увидела на крыльце маму. Она показалась мне такой маленькой, с совершенно белым лицом.

– Малин, – только и смогла выговорить она. Подбежала ко мне и крепко обняла. – Они приехали вовремя, – сказала она, и я заметила, что голос у нее дрожит. – Он упал... и сердце остановилось. Им удалось его снова запустить... теперь они отвезут его в больницу... отвезут его туда. Они приехали вовремя.

Ее трясло.

– Какая больница? – спросил Орест. Он отпустил мою руку, когда мама обняла меня. Теперь я почувствовала, как он достает у меня из кармана мой телефон.

– Восточная, – коротко ответила мама.

– За руль сейчас лучше не садиться, – сказал Орест маме. И вызвал такси.

Я мерзла: боже, до чего мне было холодно! Мы с мамой сидели рядом на заднем сидении. Не произносили ни слова, но мама схватила меня за руку и сжала крепко-крепко. Рука у нее была такая же холодная, как и у меня. Такси катилось по серому унылому шоссе. Мимо большого цветочного магазина, который так любил папа, мимо крутых склонов гор в Партилле, мимо закрытого торгового центра, серых бетонных виадуков. Когда такси остановилось на парковке у больницы, я буквально вывалилась наружу. Казалось, ноги у меня стали ватными.

Не очень помню, как мы добрались до места. Но, ясное дело, мама нашла какую-то стойку информации, спросила про папу и отыскала нужное отделение. Знаю только, что мы долго сидели в коридоре, я и мама.

Сидели, прижавшись друг к другу и держась за руки, не в силах говорить. Я слышала, как стучит мое сердце: тук-тук, тук-тук, – так что отдавалось в ушах и давило в груди. Тук-тук.

Когда прошла целая вечность или даже две, к нам вышла женщина в белом халате. Положив руку маме на плечо, она сказала, что опасность миновала, все хорошо, его состояние стабильное. И я почувствовала, как мама буквально осела. Так странно: ведь стало лучше, а она как будто еще уменьшилась... и расплакалась, и врач несколько раз погладила ее по плечу, а я испугалась, что поняла что-то неправильно. Разве врач не сказала, что опасность миновала? Тогда почему мама плачет?

Потом нам разрешили войти в палату к папе. Он лежал в кровати с кислородной маской на лице. Его почти невозможно было узнать – маска скрывала практически все лицо. Но его рука лежала на покрывале, и я крепко сжала ее. В эту минуту он открыл глаза, совсем ненадолго. Заметил меня – я в этом уверена – и подмигнул мне. Потом снова закрыл глаза. Рядом с ним стояла такая машина, которая рисует на дисплее кривую, обозначающую удары сердца. «Пип-пип-пип», – пищала машина. Вверх и вниз, вверх и вниз, снова и снова рисуя кривую.

Вечером мы уехали домой. Папа упал с балкона, но чудесным образом ничего не сломал, только получил сотрясение при падении. Врачи считали, что сердце остановилось не от падения. Наоборот: они подозревали, что он упал из-за проблемы с сердцем. А эта проблема, по всей видимости, вызвана инфекцией. Самая обычная простуда – с той только разницей, что она попала в сердце и каким-то образом помешала работе папиного кардиостимулятора, следящего за сердечным ритмом. Они сказали, что оставят его в больнице на пару дней для наблюдения.

В ту ночь я спала в папиной постели, рядом с мамой. Там все пахло им.

Я не хочу, чтобы папа снова всерьез заболел, папа, я не разрешаю тебе болеть!

Всего несколько часов назад я больше всего на свете желала, чтобы Орест изменил свое мнение. И даже надеялась, что астробабия поможет. Как глупо. Сейчас я хотела лишь одного – чтобы папа поправился.

12

Я заснула только около четырех. Мама разрешила не ходить в школу, если не хочу, но я все же пошла. Не могла просто сидеть дома и думать. И пришла так поздно, что урок уже начался.

Место Санни пустовало. Ах да, она же отпросилась на неделю и поехала в Чехию к своему дедушке, которому исполняется восемьдесят лет. Я плюхнулась на свое одинокое место – мне казалось, что я никогда не смогу больше подняться.

Орест встревоженно следил за мной – он сидел в дальнем углу класса. Едва я открыла компьютер, как в него упало сообщение:

О.: Как твой папа? Как ты?

М.: Он жив. Но болен.

О.: Понятно. А ты как?

Я не ответила. Не знала точно, что написать. Спиной я чувствовала взгляд Ореста, сидевшего наискосок позади меня.

Когда раздался звонок на перемену, я встала и вышла из класса, мимо шкафчиков, через другую дверь. Там выход в небольшой задний двор с парой скамеек, на них в солнечную погоду иногда сидит народ. Но сейчас, в марте, когда дули холодные ветра, скамейки пустовали. Я села на одну из них. Почувствовала, как холод пробирается под джинсы, но мне было все равно.

Орест вышел во двор вслед за мной. В тонкой белой рубашке совсем не по погоде. Он остановился у скамейки с таким видом, словно собирался сесть, потом передумал и начал перешагивать с ноги на ногу. И вдруг сказал:

– Я много думал... о том, чтобы уничтожить астробабью. Думаю, ты права: Эйгир от нас не отцепится, если мы уничтожим только ее. Поэтому мы должны собрать все три части. И уничтожить их.

Я коротко кивнула.

– И тогда у тебя будет шанс воспользоваться ими до того, как мы их уничтожим. Если захочешь, конечно.

Помолчав немного, Орест добавил:

– Послушай, ты ведь понимаешь, что эта штука не может помочь твоему папе, а? Только врачи.

– А вдруг... – прошептала я. – А вдруг все-таки поможет...

Слезы вдруг хлынули ручьем, бессмысленно было даже пытаться это скрыть. Орест угадал мои мысли, попал в десятку: я все-таки надеюсь, что астробабия, если она работает, сможет вернуть папе здоровье.

– Не то чтобы я в это верила, – всхлинула я. – Просто ничего другого я не могу сделать. Совсем ничего.

Орест ничего не сказал. Просто сел рядом и обнял меня за плечи. Мы долго просидели так. Пока не услышали звонок на урок.

13

По пути из школы у меня ужасно разболелся живот. Я даже не могла бы представить себе, что хуже: какие-нибудь новости о папе, которые ждут меня дома, или полное отсутствие новостей.

Входная дверь была не заперта, но ни в прихожей, ни в кухне я никого не увидела. Папин цветок здоровья стоял посреди стола, как обычно. При виде него внутри у меня все сжалось.

– Есть кто дома? – неуверенно крикнула я.

– Это ты, Малин? – донесся сверху приглушенный голос мамы.

Я поспешила наверх.

Стоя в спальне, мама копалась в своем шкафу. Она обняла меня, когда я вошла.

– Папе лучше, – шепнула она мне на ухо. – Я говорила с ним. Все будет хорошо, вот увидишь. Скоро его отпустят домой.

Как будто в огромную черную дыру у меня в животе плеснули что-то теплое.

Я тоже обняла маму, и мы, обхватив друг друга, начали танцевать танец радости, завертелись и, чуть не упав, разомкнули руки.

– Когда мы поедим к нему? – спросила я, пока мама продолжала кружиться.

– Завтра, – ответила она и улыбнулась. Потом взяла мое лицо в ладони. – Ноу нас с тобой есть миссия, – добавила она. – Фредрик, конечно же, не может сейчас работать в теплице. И он просил меня поехать туда и спросить у Моны, не нужна ли ей помощь. Насколько я понимаю, сейчас как раз пора сажать растения, чтобы к лету получить урожай. Ты поедешь со мной?

И я, конечно же, с радостью согласилась.

Теплицы расположены недалеко от нашего дома. Надо просто спуститься на велосипеде вниз по склону, проехать под железной дорогой и трассой, а потом – еще некоторое время вдоль реки Сэвеон в сторону центра. Вскоре с левой стороны станут видны две больших теплицы рядом с открытым пространством, на котором тоже можно что-то возделывать, как мне кажется. Рядом с теплицами осталась старая табличка «Сад-магазин Оторп», но теперь рядом с ней появилась новая: «Гелионавтика – питание для тела и души». Я сразу узнала округлые буквы всех цветов радуги, выведенные рукой Моны.

Дверь в теплицу открывалась со скрипом. В ноздри нам ударил теплый воздух, пропитанный запахами растений и приправ, как в цветочном магазине. Внутри стояли рядами большие деревянные столы, на которых громоздились длинные ящики с землей.

Мама вошла первой и приблизилась к ближайшему ряду столов. Она с любопытством посмотрела на зеленые листочки, торчащие из земли.

– Помидоры, наверное, – проговорила она. – Как ты думаешь? Тут вот сорняки...

Она недоговорила. Теплица внезапно заполнилась металлическим вибрирующим звуком: чистый тон, который медленно нарастал, становясь все громче. Он гудел в ушах и в голове, проникая, казалось, до самого позвоночника, потом начал стихать и смолк.

Из тени в углу теплицы появилась Мона. Обеими руками она держала большую металлическую чашу. Когда она ударила по ней, звон зазвучал снова, на этот раз громче: когда он достиг высшей точки, зазвенели стекла.

На маме были ее походные штаны, которые она надевает, когда возится в саду, и рабочие перчатки.

А я надела свои самые потрепанные джинсы, которые не жалко запачкать. Но Мона – Мона-то была одета в платье из золотистой ткани с голубой вышивкой спереди, а на голове у нее красовалась маленькая шапочка из такой же ткани. Ее длинные светлые волосы струились из-под шапочки почти до талии. Выглядела она как королева. И не как современная королева

в костюме, шляпке и лаковых туфлях, а как сказочная. Полностью сосредоточившись на своей чаше, она, кажется, нас даже и не заметила.

Мы с мамой переглянулись.

– Привет, Мона! – крикнула ей мама. И тут Мона на нее взглянула.

СЦЕНА

Эффективный высокоинтеллектуальный Инженер-программист (мама) встречается с эзотерической Агрокоролевой (Мона) в теплице.

Агрокоролева (*поднимает руку*). Стоп!

Инженер-программист (*удивленно смотрит под ноги*). Я чуть не наступила на что-то? На улитку?

Агрокоролева снова ударяет по чаше, которую держит в руках. Та звучит еще несколько секунд, на протяжении которых никто ничего не может сказать.

Инженер-программист (*когда снова наступила тишина*). О'кей... э-э... Орест, наверное, рассказал, что Фредрик заболел? В сердце проникла инфекция. Он скоро поправится, но пока еще в больнице. И просил меня зайти сюда и узнать, не нужна ли тебе помощь. Агрокоролева (*которая тем временем приблизилась к Инженеру-программисту*). Да, я заметила, что контур Фредрика нарушился...

Инженер-программист (*поспешно*). Так чем мы с Малин можем тебе помочь?

Агрокоролева внимательно разглядывает Инженера-программиста. Протягивает руку и как раз собирается схватить Инженера-программиста за волосы.

Дочь Инженера-программиста, то есть я, быстро толкает Агрокоролеву в бок, делая при этом вид, что мы всегда так шутливо приветствуем друг друга.

Дочь Инженера-программиста (*поспешно*). Др, Мона, чем мы можем тебе помочь?

Агрокоролева (*дочери Инженера-программиста*). Мы должны переставить все столы.

Инженер-программист. Переставить? Им тут слишком жарко или...

Агрокоролева (*снова оборачиваясь к Инженеру-программисту*). Земные контуры. Они сместились.

Это случилось в выходные. Очень необычно, чтобы они так быстро смещались... я измеряла их на прошлой неделе. Но теперь они изменились. Растения должны расти вдоль направления земного тока. Послушай!

Агрокоролева держит чашу перед носом

Инженера-программиста и ударяет по ней, так что вибрирующий звук снова заполняет теплицу.

Инженер-программист (*глядя на чашу*). Понимаю... хотя и не очень.

Однако мама стиснула зубы и не стала требовать дополнительных объяснений. Вместе мы переставили все столы, следуя инструкциям Моны. Столы оказались гораздо тяжелее, чем

можно было подумать. Мы не смогли поднять их даже втроем. Вместо этого нам пришлось толкать и тащить их волоком с места на место; в результате прошло несколько часов, прежде чем мы закончили. Однако это было хорошо – поработать физически после того, как целый день прошел в тревоге.

По дороге домой мы были такие усталые, что шли пешком, держа велосипеды за руль и ведя их так по всей поднимающейся вверх Альмекэррсвеген.

– Может быть, на растения действительно падает больше света, когда они так стоят, – бормотала мама, запыхавшись. – Или что-то другое, что очень важно для растений, но Мона не может это вразумительно объяснить. Земные токи... контуры... вибрация металлической чаши...

Всю дорогу до дома она продолжала что-то бормотать. Так что, вы понимаете, я не могла сказать ей, что я, ее единственная дочь, воспитанная в духе уважения к логике и здравому смыслу, была почти уверена, что почтовый ящик опасно затрещал, когда я открыла его. На секунду я застыла, ожидая, что сейчас что-нибудь взорвется. Но больше ничего не произошло, а в почтовом ящике обнаружилось письмо из Дании. В нем содержался перевод старинного латинского пергамента, рассказывающего о земных токах и звездных полях, мистических частотах и магических силах.

Я побежала к себе в комнату, чтобы поскорее прочесть.

14

Письмо от Лисе Эльг:

Привет, Малин!

Интересный текст ты мне послала. Насколько я понимаю, это латынь эпохи Возрождения.

Я постаралась перевести как могла. Не уверена, что поняла все слова, текст довольно загадочный! Похоже, речь идет о том, как использовать измерительный прибор, изображенный на картинке. Ты сказала, что текст хранится в церкви?

Рядом с изображением сердца и линий написано следующее:

Ради единения веры и науки

Экстраординарная астрология

Насколько я понимаю, это то, чему посвящен весь текст – необычной астрологии.

Звездные поля разворачиваются, рождаются Земные токи

Пересечения силовых линий возникают и исчезают сильнее всего в золотой год

Когда земля дрожит

Когда небо трещит

Когда сойдутся прошлое и настоящее

Под словами «золотой год» нарисовано несколько солнц разных размеров... Я не знаю, что это может означать.

Рядом с изображением женщины написано:

Ты, счастливчик, у которого Частота астрологии

Ты, заветное дитя, скрытое среди людей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.